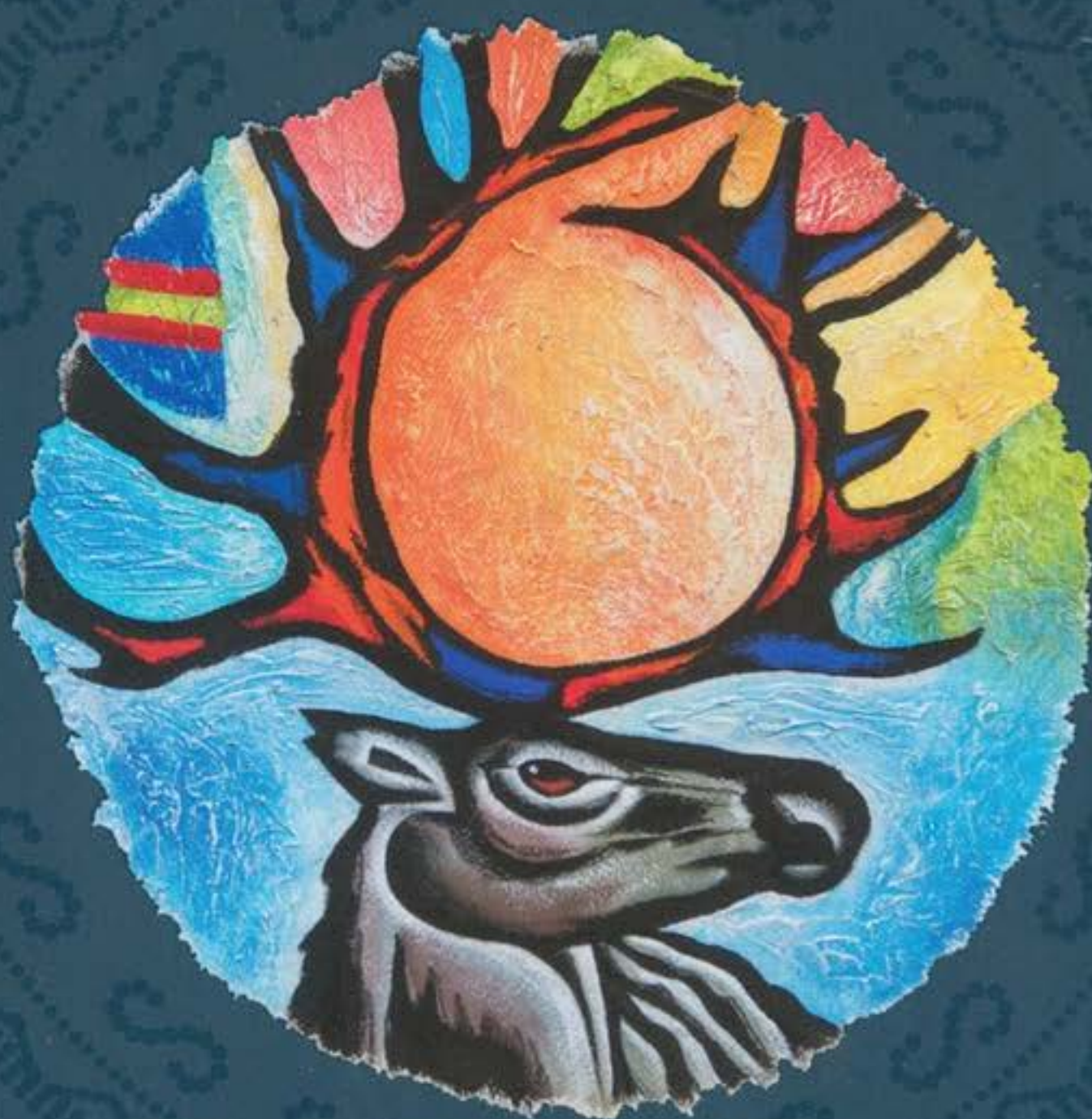

Саамские сказки
Кольской Лапландии

Евгения Яковлевна Пация

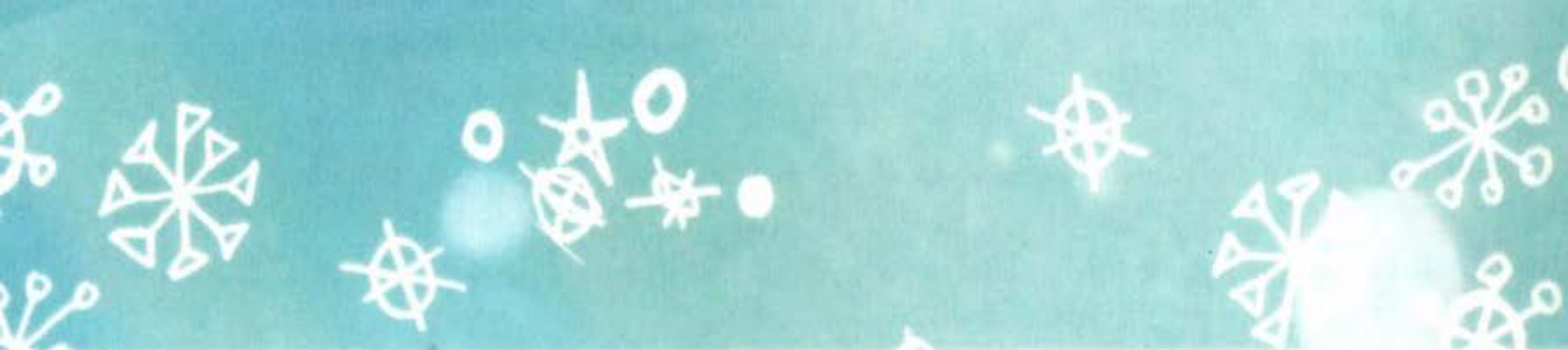
Саамские сказки Кольской Лапландии

Мурманск
2022

ПОГОСТЫ

● 1 МОТОВСКИЙ	● 7 БАБИНСКИЙ
● 2 СЕМИОСТРОВСКИЙ	● 8 СОСНОВСКИЙ
● 3 ВАРЗИНО	● 9 ЛОВОЗЕРО
● 4 ИОКАНГСКИЙ	● 10 РИСТИКЕНТ
● 5 КИЛЬДИНСКИЙ	● 11 СОНГЕЛЬСКИЙ
● 6 НОТОЗЕРСКИЙ	● 12 ВОРОНИНСКИЙ

Выражаем благодарность
АО «Кольская горно-металлургическая компания»
ПАО «ГМК «Норильский Никель» за неоценимую помощь
и поддержку в издании сборника «Саамские сказки
Кольской Лапландии», выход которого приурочен к Году
народного искусства и нематериального культурного
наследия народов России.

О СААМАХ И ИХ СКАЗКАХ

С незапамятных времен рассказывали: где-то на севере Европы есть таинственная Лапландия, страна холода и мрака. Люди там ходят в звериных шкурах, без промаху стреляют из лука и умеют колдовать – по желанию даже летом могут вызвать снежную бурю. Бывает, рассказывали еще старые мореплаватели, что небо там загорается и прокатываются по нему волны зеленого и малинового огня...

Что здесь правда? А почти все! Действительно, в Норвегии, Швеции, Финляндии и России издавна живут охотники и рыболовы – саамы. Почему они так называются? В 1924 году мировое сообщество приняло закон – любой народ мира именовать самоназванием. Саамы живут на территории четырех государств, и инородцы называли их по-разному, но всегда от слова «Лапландия»: на западе – лаппи, а на востоке на русский манер – лопари. И ничего обидного в этом слове не было, ведь вся эта северная территория Европы носила общее красивое название – Лапландия.

Саамы издавна славились своими искусными лучниками, ездили по тундре зимой и летом в керёжах – одном из самых древних видов транспорта, шили себе роскошную одежду из оленьего меха, а головные уборы украшали мехом лисы, расшивали бисерными узорами и разноцветным сукном.

Живут саамы на всей территории Мурманской области, а также в Москве, Санкт-Петербурге и в других городах. Образование получают в институтах и университетах, есть среди них физики и математики, врачи и учителя, поэты и писатели. Все перемены жизни, конечно, коснулись этого народа, хотя он и продолжает сохранять свои самобытные черты и особую арктическую культуру, которая помогает многим мигрантам, приехавшим на Крайний Север, адаптироваться к этим местам.

Духовное наследие народа, его мировоззрение и философия сохраняются в фольклоре и его современных формах. В каждой

общине всегда были свои любимые рассказчики, которые собирали вокруг себя не только родственников, но и ребятишек разного возраста и даже взрослых. Рассказчиками были женщины и мужчины.

Саамские сказки поучительны и иносказательны. Сказки объясняют, как вести себя по отношению к семье, как общаться с лесным зверем, как дружить, гулять с оленями и любить свою Родину. Благодаря им дети узнают повадки зверей и учатся лучше понимать людей.

Как правило, о собственной жизни посторонним людям саамы не рассказывают – только тем, кому они очень доверяют. Много сюжетов саамских притч не опубликовано, но они сохраняются в устных формах, являясь наследием как одного народа, так и целого мира.

В этот сборник саамских сказок вошли ранее изданные сказки из книг «Семилетний стрелок из лука» и «Невеста Солнца», а также несколько заново литературно обработанных – из кладовой богатого саамского фольклора. Они познакомят читателя с особенностями северного края и с духовной культурой людей здесь живущих.

ЧАХКЛИ

Теперь уже никто и не знает, кто такие чахкли и когда они на свете жили. Ну а если и были такие, то так давно, что даже сказки о них забывать стали.

Сказывают, что добрее чахкли в целом свете никого не было. Жили они под землей и владели всеми ее богатствами. А сами скромно жили. У них даже одежды никакой не было. Ростом чахкли маленькие, меньше ребенка годовалого. И олени у них маленькие. В память о них на земле карликовые березы остались – такие когда-то у чахкли в лесах подземных росли.

Случалось, правда, кто-то из саамов и обижал чахкли, обманывал, много богатства с их помощью наживал. Когда они догадывались, что их не в доброе, а в злое дело втянули, обижались и навсегда из тех мест уходили. Может, потому их в наших краях не стало, что многие захотели больше живота своего иметь. Раньше-то сказать «саам» – значит сказать «честность». Бывало, купцы к погосту – так саамские селения звались – приедут, а саамы на летних промыслах. Прикроют купцы товар, чтобы звери не растаскали, и знают: хоть через год приезжай, все будет стоять нетронутым. Совсем недавно так было.

Саамские дети очень любили слушать сказки про маленьких голых человечков – чахкли, которые всем подземным богатством владели и многим, многим помогали.

Вот как про это в одной сказке рассказывают.

Шел однажды охотник зимой на лыжах. Вдруг видит: среди зимы в небольшом распадке снега совсем нет и даже травка зеленеет. «Не иначе, – подумал он, – кто под землей живет». Приложил ухо к земле, голоса услышал, смех, олени рехкают. «Да здесь, наверное, чахкли поселились. Вот бы на них поглядеть!».

Устроился поудобнее и стал ждать. Вдруг чувствует: кто-то его разглядывает. Повернулся – стоит перед ним крохотный

голый человек. Охотник так и обмер. А чахкли смешной такой: что бы охотник ни сделал, все за ним повторяет.

«Вот бы мне такого домой принести, детишек порадовать. Как бы поймать его?» – задумался охотник.

Хитрый он был. Размотал обору, которые каньги, короткие меховые сапоги, держали. Одну обору – тесьму красивую, ярко окрашенную – поближе к чахкли положил, а другой – давай себя обматывать.

Смотрел на него чахкли, смотрел, потом взял обору и давай вокруг себя тоже крутить. Чахкли всегда повторяли, что люди делали, очень они хотели у людей всему научиться, чтобы в дружбе с людьми жить. Вот и обмотался весь, запутался, пошевелиться не может. Охотник взял его, положил за пазуху и поскорее домой отправился.

Принес охотник чахкли в свою вежу – жилище такое, покрытое мхом и дерном, похожее на шалаш. Дети обрадовались, говорить чахкли учат, в зыбке качают, на руках носят. Одежду ему саамскую сшили. А чахкли тоже старается, все за ними повторяет – учится, значит, у них человеческим премудростям.

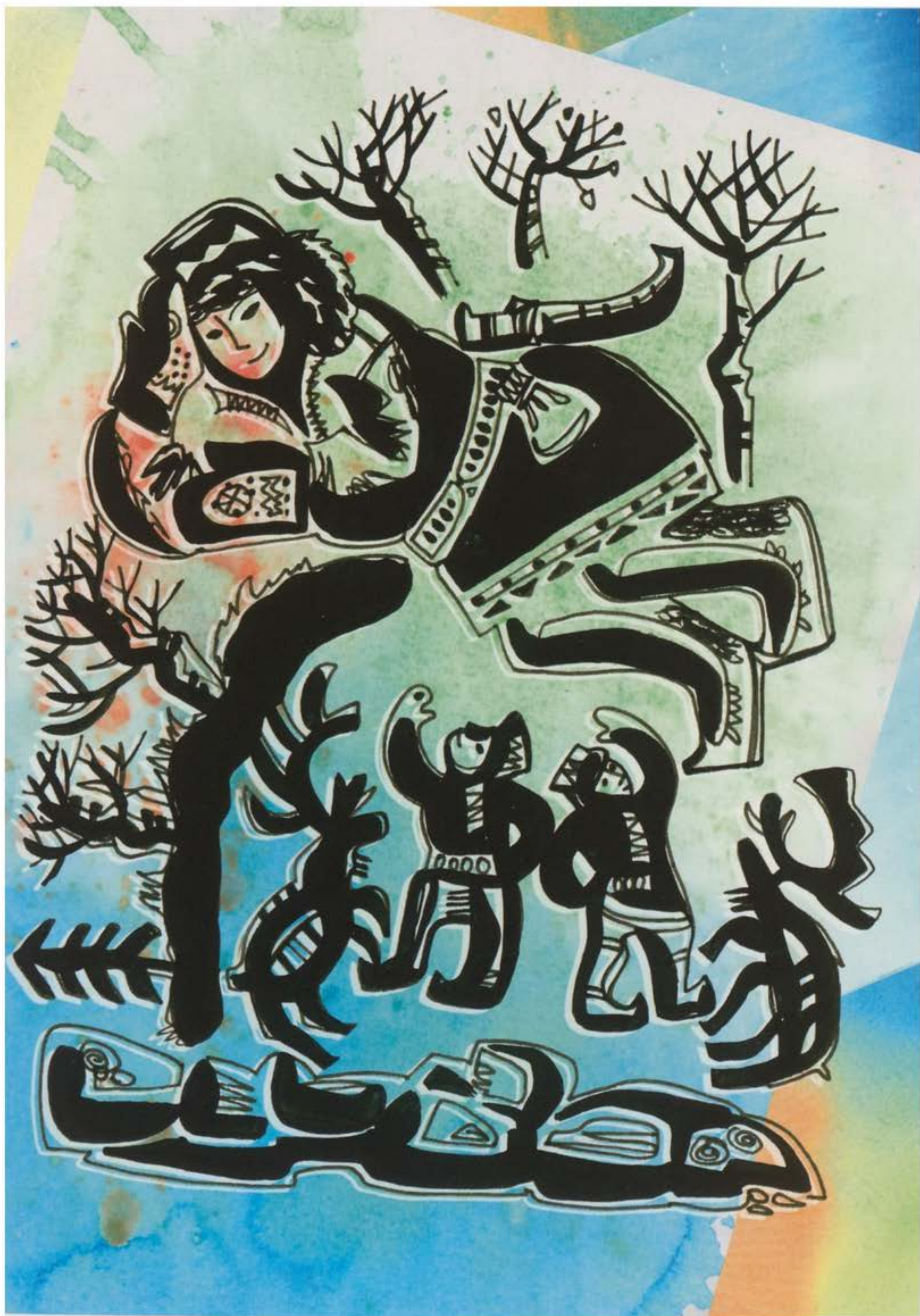
Да только случилась беда. Напала на тот погост чудь – враг саамов. Все мужчины за луки схватились, с разбойниками воевать стали. И чахкли с ними. Стали его уговаривать спрятаться, а чахкли не слушается. Увидел он чудинов и навстречу им побежал. Те его копьями колют, дубинками колотят, а ему ничего не делается. Испугались чудины, решили, что место здесь заколдованное, и поскорее прочь убрались.

Все саамы низко кланяются чахкли, благодарят его за то, что спас от чуди. А охотнику вдруг как-то не по себе стало. Стыдно ему, что чахкли обманом увел. Взял его, посадил за пазуху и пошел к тому теплему распадку. Обрадовался чахкли, когда увидел родные места. Опустил саам его на землю. Благодарит чахкли охотника и подождать немного просит. Смотрит саам, удивляется. Был чахкли – и вдруг не стало.

Прошло немного времени – появился, золотой и серебряный слитки в руках держит. Отдал их охотнику и говорит:

– Пусть саамы, когда у них нужда случится, сюда приходят. Мы всегда дадим им столько, сколько нужно будет.

Говорят, чахкли долгое время саамов поддерживали, во всем им помогали. До тех пор, пока кто-то разбогатеть не надумал.

БОГАТЫЙ, ДА СКУПОЙ – БЕДНЫЙ, ДА ЩЕДРЫЙ

Жили когда-то два брата. Один богато жил. Тупа – изба бревенчатая с плоской крышей – у него просторная, в камельке всегда огонь горит, олени стадами бродят.

А у другого все не так. Не уследил он как-то раз за своим камельком, угли в нем потухли. Сколько ни дул, бересты ни подкладывал, не добыл больше огня. «Пойду, – думает, – к брату. Неужто он углей пожалеет?».

Взял глиняный горшочек и пошел к богатому брату, а тот суп ест, мясо на дощечку выложил, ножичком отрезает, в рот кладет. Кости обглоданные собакам бросает. Стоит бедный брат у порога, дальше пройти боится. А богатый ест себе, будто бедного брата и не видит. Только когда поел, спрашивает:

– Что тебе, рвань, надо?

– Мне бы угольков горшочек, – отвечает бедный, – камелек разжечь, холодно в тупе.

– Ишь чего захотел, – брат ему отвечает. – Мои угольки мне и самому нужны. Пошел прочь!

Идет бедный брат и думает: «Видно, правду говорят про скупых, что у них углей из печки не достанешь. Это и про моего брата сказано. Делать нечего, надо у чужих угольков искать, без углей возвращаться нельзя».

И пошел саам куда глаза глядят. Долго шел по лесным горшкам – варакам да по болотам, приустал. Сел отдохнуть на поваленное дерево, достал кусочек сушеной рыбы, чтобы подкрепиться. Вдруг видит: перед ним чахкли стоит маленький, одежды на нем нет. Просит:

– Дай мне, саам, рыбки кусочек!

Посмотрел саам на свою рыбу. Такой у него кусочек маленький, только чахкли и можно накормить. Отдал все. А чахкли спрашивает:

– Что это ты такой грустный?

Рассказал бедный брат, как у богатого углей не выпросил.

– Как брата зовут? – чохкли спрашивает.

– Не скажу я тебе его имени, – говорит бедный. – Стыдно мне за него, брат он мой.

– Ладно, – говорит чохкли. – Не говори, он сам ко мне придет. Дай-ка мне горшочек!

Взял чохкли горшочек и в расщелине меж камней исчез, и вынес оттуда его, полный углей.

– В руках носи, – говорит чохкли бедному брату, – до самого дома. Горячо будет – терпи.

Поблагодарил бедный брат чохкли. Накрыв горшок шапкой, чтобы угли не остыли, и скорее домой побежал. Чем ближе к дому, горшочек теплее становится. Горячо сааму держать его, но терпит. Только через порог своей тупы ступил – споткнулся. Горшочек из рук выпустил, тот и разбился на много кусков. Чуть не заплакал бедный брат, бросился угли голыми руками подбирать, а они совсем не горячие. Смотрит, а это не угли вовсе, а кусочки золота. А черепки от горшка в серебряные слитки превратились.

Богатым стал бедный брат. Тупу новую поставил, оленей много купил. Каждый день у него огонь в камельке горит, суп с мясом в котле варится.

Прослышал богатый брат, что бедный разбогател, спать перестал. Все думает, как у брата узнать, откуда добро взялось. Да только стыдно, что брата прогнал, угольков пожалел.

Недолго мучился богатый, жадность свое взяла. Пошел он к брату в гости. А тот зла не помнит, на почетное место усаживает брата, угощает. Богатый стал расспрашивать, откуда столько добра у бедного взялось. Рассказал ему брат, как чохкли встретил, рыбу ему отдал, как горшочек с углями до дому донес и что потом вышло.

Вернулся богатый домой. Не спит, не ест. Только и думает, как бы того чохкли найти. Взял горшочек побольше, а рыбу сушеную положил в него поменьше. Бежит по тропинке, по которой брат шел. И на судьбу свою плачется. Добежал до поваленного дерева, чохкли зовет.

Вышел из расщелины чохкли, богатый ему рыбу сует.

– Скорее, – говорит, – мне углей давай да поплотнее их в горшочек укладывай.

Усмехнулся чохкли:

– Пусть, – говорит, – будет, как ты просишь.

Вынес он богатому углей горшочек. Схватил тот горшок, даже спасибо не сказал. Тяжелый горшок и руки печет. Бежит богатый брат, ног под собой не чувствует, только бы донести поскорей – об одном думает. Прибежал домой, порог переступил, бросил горшочек на пол, тот разбился на много кусков. Угли по всей тупе рассыпались. Ждет богач, когда они в золото превращаться будут. А угли лежат себе. Вот уже пол в тупе заниматься огнем начал. Сидит богач, шевельнуться боится. Стены гореть начали. С четырех сторон уже тупа горит. Насилу его из огня вытащили. Все сгорело: и тупа, и амбары. Олени огня испугались, разбежались по тундре.

Сидит богатый брат и плачет. Никого теперь беднее его нет. Куда идти? Делать нечего, побрел богатый брат с женой и детьми к брату, которому горшочка углей пожалел. А идти тяжело: вдруг разбогатевший братец его прогонит? Да не так вышло. Ничего у него брат спрашивать не стал. Накормил всех, напоил и спать уложил. День живет с семьей, второй, третий, а все не может рассказать погорелец, что с ним приключилось. стыдно ему. А брат уже и сам все знает. У дурных вестей ноги длинные, быстро по свету несут. Беда с каждым случиться может. И предложил брату-гостю брат-хозяин:

– Живи у меня, всем места хватит. Работать будем – проживем.

Так и стали вместе жить. Ребят хороших вырастили. Одинаково работали, и пили, и ели равно. Скорее всего, они и по сей день живут.

КАК СААМ НА НЕБО ХОДИЛ

Жил в одном погосте бедный саам. Чудной такой! Мужчины на охоту идут, а ему все некогда. Вежа у него старая, ветер по ней гуляет, шкуры оленя, что постелью служат, от времени протерлись, дыра на дыре. Жена плачет: ну что за непутевый муж? У детей одежда старая, каньги прохудились, а он все забавы какие-то придумывает.

– Не могу, – говорит, – на охоту идти. Буду себе новую вежу изо льда строить.

Смеются над ним в погосте и мал и стар:

– Лучше бы ты дикаря-оленя добыл да вежу подлатал!

А он за свое:

– В ледяной веже, – говорит, – светлее будет, не то что в ваших.

Мужчины на охоту пошли, а он каши из сосновой коры поел да за ледяную вежу принялся. Строит саам вежу, песни поет. Построил, стал жену с детьми в новое жилье звать. Не идут. Обиделся саам.

– Один, – говорит, – здесь жить буду.

Запалил в ледяной веже костер и спать повалился. Тепло стало от костра, со стен капать начало. А он спит себе, ему лето снится да дождь на дворе. Так, пока спал, вежа и растаяла. Проснулся мокрый, замерз совсем, а вокруг от мала до велика весь погост собрался, со смеху за животы держатся. Совсем чужак разобиделся. «Ну, – думает саам, – что-нибудь такое сделаю – ахнете. Будете знать, как надо мной смеяться!».

Думал-думал и придумал кусочек солнца достать, чтобы оно всегда над погостом светило. Тогда зимой полярной ночи не будет. Небо-то вон оно, близко, облака за старые сосны цепляются! Да как до него добраться? Вырубил он большую лесину. Стал стружку строгать. Строгал, строгал и настрогал на большую кучу. Поджег костер, накрыл его последней постелью из оленьей шкуры, что у него была, и сам верхом уселся.

Костер горит, дым к небу поднимается. И шкура оленья с саамом поднимается. Долетела до неба. Встал на него чужак и пошел солнце искать. Чем ближе к солнцу подходит, тем жарче становится. Одежда на нем уже дымится. А солнце жжет прямо как каленое железо. Радуетса саам, что койбицы, рукавицы из оленьего меха, с собой, а то солнце и не взять в руки. Снял он со спины вукс – мешок из оленьих шкур. Интересный это мешок, как будто бы к деревянному стульчику привязан. Саамы раньше в таких мешках от Кандалакши до Колы грузы разным купцам да ученым-путешественникам носили.

Отломил саам кусочек солнца, в вукс положил. В обратную дорогу собрался. Дошел до своей постели, сел на нее и не знает, как на землю спуститься, – сюда-то дым принес...

Смотрит, а у рыбаков, что на небе живут, ярусы, веревки с крючками, на вешалах сохнут. Стал их чужак связывать, длинная веревка получилась. Опустил к земле, вроде достает. Стал спускаться, а ветер этот ярус из стороны в сторону мотает, еле саам держится. Вот и конец ярусу, а до земли-то далеко. Сверху-то не видно было. Обессилел саам совсем, выпустил ярус из рук, но на свое счастье в болото угодил, не разбился. Но провалился по самое горло, ни руки, ни ноги вытянуть из болота не может.

А в это время по болоту лебедь ходила, место для гнезда искала. Понравилась лебеди шапка саама, решила, что это кочка такая. Взяла и гнездо тут свила. Яйца положила да насиживать села. Сидит саам в болоте, совсем ему худо, а тут еще голову парит. Видит: волк к гнезду подбирается. Увидела его и лебедь, крыльями замахала, загоготала и взлетела с гнезда. А саам, не будь дураком, волка за хвост зубами цап! Волк завыл от боли, прыгнул и саама из болота выдернул.

Пошел чужак с гнездом на голове. Шел, шел, пришел в погост. Люди тут собрались, пальцами на него показывают, за животы от смеха держатся.

– Ну, – говорят, – чужак, как это ты на небе себе гнездо на шапке свил?

Не обижається саам. В вежу свою старую приглашает. Народу в нее набилось, ждут, что еще им этот чужак-саам покажет? Развязал саам свой вукс, а кусочек солнца из него выскочил и встал под потолком. Все так и обмерли, на тот кусок смотреть не

могут: больно ярко он светит. Постояло солнышко под потолком, да и прожгло в нем дыру. На волю вырвалось. И скорее к солнцу, да на место встало. Саам даже заплакал от горя. Столько времени ходил – и зря! А люди его жалеют. Чудак он, конечно, да солнце само достать сумел. Говорят ему старики:

– Не ходи больше на небо. И так проживем. Мы к полярной ночи привычны.

МОРСКАЯ БАБУШКА

С давних пор на берегу Териберской губы, заливе морском, стоял погост. В те времена одни саамы там жили. Морским промыслом занимались, рыбу ловили. Лодки у них деревянные, оленьими жилами шиты, маленькие такие, верткие. Трудно на этих лодках рыбакам в плохую погоду. Баренцево море суровое, шторма на нем частые. В плохую погоду и в губе не укрыться. Волны в ней гуляют – почище, чем в открытом море.

Собрались как-то саамы и стали думать: не поискать ли другое место для погоста? Уж больно открытая для всех штормов и ветров Териберская губа. А жила в этом погосте старушка Моресь-аканчъ – Морская бабушка. Слушала-слушала она и говорит:

– Мой прадед в этих местах рыбу промыслял, и дед, и отец, и муж, а теперь вот сыны и внуки. Стыдно мне вас, рыбаки, слушать. Кто же это из родных мест уходит?

Заспорили с ней рыбаки.

– Ладно, – говорит Морская бабушка, – избавлю я вас от непогоды, от бурь.

Не поверили ей саамы.

– Как же ты нас избавишь от непогоды? – спрашивают.

– Скоро увидите, – ответила старушка.

– Нет, – говорят саамы, – скажи, где ты защиту возьмешь?

– Возьму я ее у Цып-Наволока и приведу в Териберку, – сказала старушка.

Вот так бабушка! Что надумала!

А она говорит:

– Вы спать ложитесь и из веж не выходите, на море не смотрите, пока я вас сама не позову.

Пообещали саамы сделать так, как старушка велела, и спать пошли.

Развела Моресь-аканчъ большой костер, положила в него рыбу треску. Суп варит, китовым плавником помешивает да

слова тайные говорит. Поднялась на море страшная буря, на землю и на воду густой туман пал. Морская бабушка вмиг по нему до нужного места добралась, оторвала от полуострова Рыбачий большой кусок земли и поплыла на нем по морю на восток, к Териберке. А тут и утро настало. Небо прояснилось. Туман рваными клочьями пошел да и весь растаял.

Плывет земля мимо устья Кремнёвой реки. А в устье том саамское селение – погост Истёртой Скалы. Его так называли, потому что скалы там штормами сильно разбиты.

Саамские жены рано поднимаются. Вышли две женщины поглядеть на море: не пора ли мужей поднимать да за рыбой отправлять? Видят: земля плывет. Закричали они:

– Люди, просыпайтесь! Чудеса делаются! Было на море чисто, теперь земля на нем появилась!

Выбежали саамы из своих веж и глазам не верят. Стоит против их погоста большой остров. Кильдин он теперь называется. Вот как все получилось. Не знали женщины те: нельзя было кричать, когда плывущий остров увидели. Кусок земли тот от человеческого крика и остановился. А Моресь-аканчъ, что на нем плыла губу Териберскую от непогоды защитить, вмиг окаменела. И стала она главным морским сейдом, добрым духом моря. Много раз саамы-промысловики к каменной бабушке ходили, китовые позвонки ей в подарок приносили, рыбу всякую. И всем она удачу в морском промысле давала.

Много лет прошло, столько, что и не сосчитать. Стоит и стоит сейд – большой камень, над морем возвышается. Да только однажды шел мимо острова военный корабль. Увидел капитан в бинокль: камень над морем стоит. Стал у матроса, который из местных, спрашивать, что это за камень такой. Тот и рассказал эту историю про сейд-бабушку. Посмеялся капитан и велел по тому камню из пушки пальнуть. И по сей день стоит Моресь-аканчъ на том же месте, только груды обломков от той пальбы возле нее. А она сама цела-целехонька.

Вот как бывает.

АЙНОВЫ ОСТРОВА

Охотничье счастье переменчиво, год на год не приходится. Много дичи – саамы сытно живут, а нет оленя-дикаря – совсем голодно становится.

Давно это было. Ушел из нашей Лапландии олень-дикарь. И год его нет, и другой. Вовсе плохо на Печенге стало, где погост у Вайда-губы был. А рядом, в Норвегии, оленей хоть руками лови, столько их водилось. Вот и стали старики думать, как бы этих оленей в наши места переманить.

А жили в те времена в этом погосте два брата – силачи нойды, колдуны саамские, со своей матерью. Решили братья-нойды помочь саамам. Говорят однажды матери:

– Мы пойдем в Норвегию, отрежем там кусок земли с оленями и приплывем на нем сюда. Жизнь тогда лучше пойдет.

Сняла мать каньгу, сапужок олений, с левой ноги, потом обору, портянку, которой в старину саамы ноги заматывали, и отдала ее сыновьям, чтобы ту землю удобней тянуть было.

Отправились нойды в Норвегию. Пришли в один фиорд, а там на мысе избушка стоит. Жила в ней девушка по имени Айно. А оленей-дикарей вокруг столько, что и года не хватит, чтобы всех пересчитать. «Вот этот мыс нам и нужен», – думают братья. А младший все на Айно глядит, глаз не сводит. Приглянулась ему девушка. И Айно на него смотрит.

– Оставайся на моем мысе жить, – говорит. – Смотри, оленей сколько!

– Нет, – отвечает младший брат. – Пошли в наши края жить. Хорошим мужем тебе буду.

– Как же я со своей земли уйду?

– Да и уходить не надо, – говорит тогда старший брат.

Привязали они к мысу обору, что мать дала, да и потянули его за собой. Плывут на этом мысе на восток. Туман густой по воде, по земле стелется.

А мать-старуха той ночью сон видит. Плывут сыновья по

морю на норвежской земле. Оленей везут много. И невестку в дом везут. Обрадовалась старуха. «Надо, – думает, – детей и невестку на берегу встретить».

Прибежала она к морю, а ничего не видно. Туман густой. Села на берегу и вдруг услышала: гул над морем идет. Этот гул от топота копыт и рехканья оленей шел. От радости старуха и запела:

– Вот мои дети едут, везут много оленей и важенок да красавицу невестку. Настоящие нойды мои сыновья!

Только она это пропеть успела, как обора взяла и оборвалась. А земля, что братья везли, остановилась да от толчка на два острова разломилась. Чуть-чуть нойды эту норвежскую землю до Печенги не дотянули. Младший брат с Айно так на тех двух островах жить и остался. Старший же с оленями вплавь домой добрался. Говорят, рыба сайда ему помогла. А острова эти с тех пор Айновыми зовут. Сейчас оленей на них нет. А вот птицы морской и морошки-ягоды – тьма-тьмущая.

СОБАЧИЙ СЫН

Жила когда-то в Пазрецком погосте бедная вдова. Детей у нее не было. Все она о старости думала: как же ей без кормильца прожить?

Летом саамы перекочевывают из погоста на лесные озера, где рыбы побольше, корм оленям получше. Было такое угодьё и у вдовы. Амбары там старые стояли. Хорошую вежу одной не поставит, раскинула она куваксу – шалашик переносной. Когда в ней, а когда и в амбаре переночует. Рыбу впрок солила, сушила, ягоды собирала. Так лето и шло. В погосте среди людей живешь, а сюда за лето другой раз ни единая душа не заглянет. Плохо одинокому человеку в лесу. Совсем вдова загрустила.

Недалеко за амбарами был в угодьях вдовы сейд – Большой Камень, добрый дух. Бывало, когда муж ее на охоту собирался, всегда сюда рога оленя приносил, и сейд удачу посылал. Но женщинам к сейду не то что ходить – смотреть в его сторону не полагалось. «Нет у меня никого, пойду сама, попрошу, чтобы ребеночка мне послал. Может, не рассердится на меня и поможет», – надумала вдова.

Поймала большую рыбу и понесла сейду.

– Прости меня, сейдушко, что закон нарушила. Рога у тебя все истлели, никто тебе давно подарков не делал. Пошли мне ребеночка любого, хоть в звериной шкуре, – попросила женщина.

Прошло время, родился у нее сын. Лицо человечесьё, а шкура на нем собаки. Быстро вырос сын-зверь. На охоту ходить стал. Оленя-дикаря лучше всех в погосте промышлял.

Настало время, просит сын невесту ему высватать. Пошла женщина через озера и вараки в дальний погост, куда молва о ее сыне-звере не долетела. Приходит к старику со старухой, у которых три дочери было, просит старшую в жены сыну. Отдали старики старшую дочь. Привела вдова ее в свою вежу, а сын ее – лесная собака – на охоте был. Говорит вдова невестке:

– Ложись спать и за мной не подсматривай, я бурдух – суп с мясом оленя да ягодами морошкой и вороникой – варить стану.

Легла невестка, а самой любопытно, что свекровь делать будет. А та налила в кожаный мешок воды, мяса в него крошила и повесила над огнем. Смешно девушке стало.

– Кто же это, – говорит она, – в кожаном мешке еду готовит? Только это сказала – мешок и потек.

– Нет, – говорит старуха, – моему сыну послушная жена нужна.

Выгнала она девушку на улицу и превратила в камень.

Пришел сын с охоты.

– Привела, – спрашивает у матери, – мне жену?

– Приводила одну, да в камень обратить пришлось, непослушная невестка попалась, – отвечает мать.

Пошла она на следующий день опять в дальний погост, среднюю дочь за сына сосватала. Привела домой, но и среднюю пришлось в камень обратить: и эта невестка старухиной просьбы не выполнила.

Отправилась за младшей дочерью. Удивились старик со старухой:

– Что это ты каждый день другую дочь сватаешь? Сколько же у тебя сыновей?

Но отдали вдове и младшую дочь – больно богатые подарки вдова старикам приносила. Да и дочерей не очень жалко, их все равно для чужих домов растить приходится.

Привела вдова девушку к своей веже. Увидела та два камня, догадалась, что это ее сестры. Свекровь девушку в вежу провела, спать укладывает и подглядывать не велит. А сама в кожаный мешок воду наливает, мясо крошит, ягоды сыплет.

Отвернулась девушка к стенке. Лежит ни жива ни мертва, думает: «Уснуть бы да не проснуться». Страшно ей. А свекровь сварила свадебное угощение, разбудила девушку.

– Такая, – говорит, – жена моему сыну подойдет. Послушная.

А тут и сын-зверь с охоты пришел. Посмотрела на жениха девушка, жалко ей его стало. Погладила она его по шерсти. Попировали они, старуха молодых в амбар спать отправила. Утром зверь на охоту убежал, а невестка веселенькая ходит, вдове помогает, просит сестер освободить. А свекровь не соглашается.

Так и живут они вместе. Любопытно свекрови, чем это ее уродливый сын так невестке люб? И так спросит, и эдак – молчит девушка. Совсем старуха раззадорилась.

– Ладно, – говорит, – освобожу твоих сестер, только скажи, почему мой сын тебе в такую радость?

Жалко девушке сестер, не утерпела она, хоть и просил ее муж до времени тайну его не раскрывать, сказала свекрови:

– Снимает он ночью звериную шкуру и таким парнем красивым становится, что и описать нельзя.

Освободила старуха старших сестер, те и спасибо младшей говорить не стали, бегом подальше от этой вежи бросились, только их и видели.

Совсем теперь вдова себе места не находит, очень ей хочется, чтобы сын человеком жил. Стала она у невестки спрашивать, куда сын шкуру ночью кладет. Молчит невестка. Решила старуха сама подглядеть и высмотрела, как сын шкуру под порог спрятал. Схватила она ее и бросила в костер. Сын проснулся:

– Где-то моя шкура горит!

Выбежал из амбара и говорит жене и матери:

– Терпенья у вас не хватило. Совсем недолго мне шкуру носить оставалось. Таково сейдово повеление было – за то, что женщина обет предков нарушила и к нему ходила. А теперь я уйти должен. И найдешь ты меня, жена, после того, как три пары каньг износишь и три пуговицы оловянные растают.

Сказал так и исчез.

Сшила вдова невестке три пары каньг, достала из короба три оловянные пуговицы. Надела невестка каньги, взяла пуговицы в рот, пошла по свету мужа разыскивать. Идет, с вараки на вараку переходит, глубокие озера да реки переплывает. Уж одна пара каньг износилась – не видно нигде ее мужа.

Села она на поваленное дерево, стала каньги переобувать, смотрит: стоит перед ней чахкли. Ноги у нее в кровь истерты. Пожалел чахкли ее, спрашивает, куда идет. Рассказала ему женщина про свою беду.

– Слышал я, слышал про твои дела, – говорит чахкли.

Дал он ей красивый костяной гребень и сказал:

– Твой муж забыл тебя, другая жена у него теперь. Дорогу к нему мой средний брат покажет. Иди прямо на восток, там его встретишь.

Поблагодарила она чахкли и пошла на восток. Долго шла, зима настала. Вторая пара каньг износилась, вторая пуговица во рту растаяла. Села на пенек каньги переобуть, смотрит: стоит перед ней чахкли.

– Давно тебя поджидаю, – говорит он ей. – Вот тебе серебряный гребень. Теперь тебе к моему младшему брату идти надо. Он на юге живет, он к мужу и приведет.

Поблагодарила его женщина. Спрятала в маленький вукс, мешочек, бисером расшитый, серебряный гребень и пошла на юг. Третью пару каньг износила, третья оловянная пуговица у нее во рту растаяла. Встретила она младшего чахкли. А на дворе уже лето – вот сколько времени шла бедная жена! Говорит ей чахкли:

– Там, за варакой, на берегу Белого моря стоит большая тупа. В ней и живет твой муж с новой женой. Иди к ним и в работницы просись.

Подарил ей чахкли золотой гребень и сказал:

– Пригодится он тебе.

Пришла бедняжка к берегу моря. Видит, тупа стоит. Попросилась в работницы. День работает, второй. Как вся работа кончилась, стал ее муж с новой женой в мяч играть. Катится мяч прямо в руки к работнице. Подошел к ней муж, просит мяч отдать. Видит девушка: не узнает ее. Отдала мячик, достала костяной гребень и стала волосы расчесывать.

Смотрит новая жена, а гребень красивый, резной весь. Так ей гребень захотелось! Стала просить работницу: продай да продай.

– Дай, – говорит работница, – мне с твоим мужем в амбаре ночь просидеть, тогда отдам.

«Напою мужа сонным зельем, – думает новая жена, – пусть тогда и сидит с ним ночь». Взяла жена гребень. Напоила мужа сонным зельем, пошел он в амбар да и уснул тут же. Всю ночь проплакала брошенная жена у постели любимого, но не проснулся он.

На следующий день опять вечером муж с новой женой в мяч играть стали. Села работница на порог, достала серебряный гребень, расчесывает волосы. А новой жене так этот гребень хочется, что сил нет! Стала просить: продай да продай серебряный гребень.

– Пусти с твоим мужем ночь в амбаре просидеть, тогда и гребень твой, – сказала женщина.

Обрадовалась новая жена. Напоила мужа сонным зельем и отпустила в амбар.

Долго плакала брошенная жена около спящего, все ему про судьбу свою рассказывала, да только не добудилась его. Проснулся утром муж, смотрит: рубаха вся от слез мокрая. «Странно, – думает, – охотник я, чутко сплю, все шорохи слышу, а надо мной в амбаре кто-то всю ночь проплакал, а я не проснулся».

На третий вечер опять муж с новой женой в мяч играть стали. Достала работница золотой гребень. Новая жена, как его увидела, сама предложила:

– Иди ночуй с моим мужем, только в последний раз, а гребень этот отдай.

А сама сонное зелье готовить побежала. Да только муж проследил, что за зелье она приготовила, и вылил его потихоньку.

Пришла брошенная жена ночью в амбар. Стала любимого будить, про судьбу ему рассказывать. Слушал ее муж, кое-что вспоминать начал. Женщина плачет, слезы жгут его тело. И с каждой слезой память к нему все больше возвращается. Еще солнце над морем не встало, а уж вспомнил человек-собака и мать, и жену первую, и вежу родную. Домой его потянуло. Первая жена столько из-за него вынесла, любит крепко. Обнял он ее, и пошли они в родные места.

На пороге вежи мать их встретила, и стали они жить лучше прежнего. А новая жена с досады, что мужа на гребни променяла, выбросила их в Белое море. И расползлись те гребни в разные стороны ежами морскими.

ГИРВАС-ОЗЕРО

Больше всего на свете саамы оленей ценили. И неудивительно это – олень для них главным кормильцем был. В старину саам на оленя всегда аккуратно охотился, никогда все стадо не уничтожал, лишнего не убивал. Думал о завтрашнем дне.

Жил на берегу одного озера охотник с сыновьями. Время подошло – состарился. Да не очень тужил: двоих сыновей вырастил, есть кому на старости лет его кормить. Радовался, на своих сыновей глядя: хорошими охотниками они стали.

Начнут парни погоста в меткости из лука состязаться, так лучше его сыновей стрелков нет.

Подошла пора сыновьям на охоту собираться. Стал старик им секреты свои открывать.

– Пойдете, – сказал старик, – охотиться на верхнее озеро, там много оленя-дикаря пасется. Подождите, когда стадо оленей озеро переплывать будет. Всякого оленя стрелять можно, но только не троньте вожака, гирваса.

– Все сделаем, как ты сказал, – отвечали сыновья и пошли на верхнее озеро.

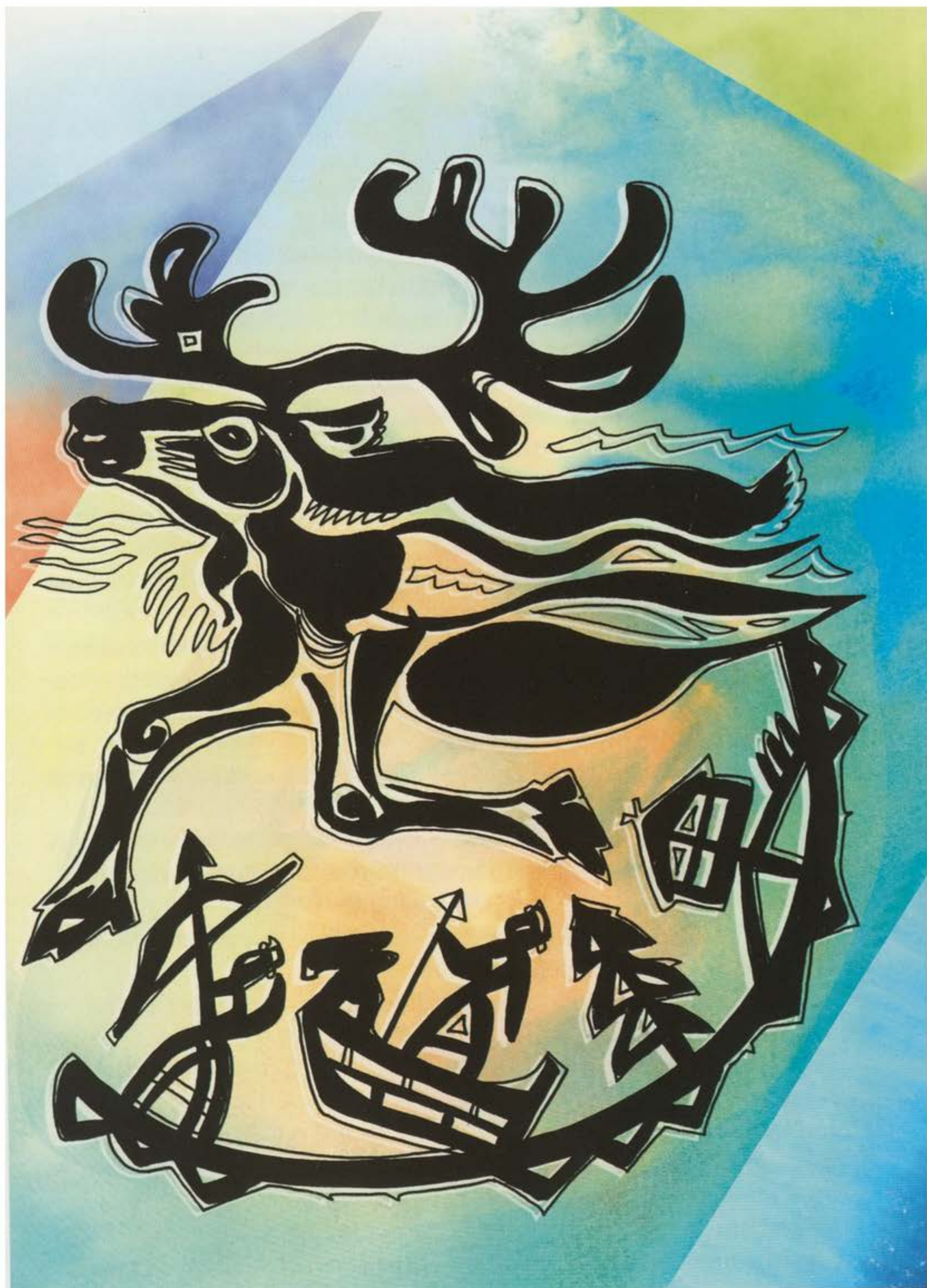
Смотрят: и правда, большое стадо озеро переплывает. А впереди всех – гирвас. Гордо несет он голову с огромными ветвистыми рогами.

Залюбовались братья: такого красивого и сильного оленя не всякий бывалый охотник добывал.

– Как же мы такую добычу упустим? – говорят братья. – Убьем гирваса, нам же весь погост завидовать будет.

Забыли они про отцовский наказ. Друг друга толкают, каждый свой лук удобнее ладит, метит в гирваса. Пустили стрелы, вонзились они прямо в оленя. Затряс он головой, вспенились воды озера, и окаменел олень, в остров каменный превратился. А стадо, что за ним шло, без вожака повернуло обратно.

Вспомнили тут братья про слова отца, да поздно было. Три дня и три ночи ходили они по тундрам, совсем обессилели, но

ни одного дикаря больше не встретили. С тем и домой пошли.

Увидел отец сыновей, обо всем догадался и сказал им:

– Из-за бахвальства вы от себя охотничье счастье на всю жизнь прогнали. Не быть вам охотниками. Идите с девками корзины плести.

А озеро с тех пор Гирвас-озером называть стали. Так и по сей день зовут.

СЕМИЛЕТНИЙ СТРЕЛОК ИЗ ЛУКА

В далекие времена на Нотозере стоял саамский погост Сийтнярк, что значит Погостовый Мыс, хорошее место для жилья. Нотозеро богато рыбой. Всякая она здесь: и сиги, и щуки, и хариусы, и кумжа в сети попадались. А по реке Туломе семга нереститься поднималась. И сейчас все знают: лучше семги рыбы в целом мире нет. И леса вокруг озера могучие стояли. Сосны в три обхвата. А дичи разной, горностаев да куниц видимо-невидимо. А по речкам и ручейкам бобры жили.

Мужчины в тех местах охотой промышляли. Искусными лучниками были. И тупы себе из толстой сосны ладили. Мирно жили.

Как-то раз летом отправились саамы в лес за дичью. В погосте женщины, дети да один старик остались. Сил у него на охоту идти не было.

Женщины развели на берегу озера большие костры, поставили медные котлы с ольховой корой да трав разных в них положили, воды озерной налили и начали сети красить. Обязательно красить надо, чтобы рыба их не боялась. На берегу озера хорошо работать, ветерок там. Поэтому и комар не кусает. Старик тоже здесь. Взял топор в руки да керёжу к зиме новую ладить стал. Керёжа – это саамские сани, на лодочку похожие. Зимой в нее оленя впрягут, и он с такими санями легохонько по глубокому снегу бежит.

Кликнул старик внука, чтобы тот стружку да щепки в костер относил. Только внук ленивый был. Носил он стружки в костер, носил, солнышко пригрело, спать ему захотелось. Взял он большую охапку стружек да и бросил в озеро. А сам в тупу пошел, спать завалился.

А стружки эти поплыли себе по Нотозеру и попали в реку Тулому. А на Туломе в это время чудь разбойничала. Увидели чудины, что по реке свежие стружки плывут, и догадались: где-то на озере саамский погост. А раз стружки в воду бросили, зна-

чит, нет в погосте мужчин. Взрослый саам никогда в воду стружек не бросал, знал: они путь врагу указать могут.

Подобрались чудины к озеру поближе и стали ночи ждать: на спящих напасть всегда легче. А разведчиков своих вперед отправили, чтобы дорогу поудобнее к погосту нашли.

Развели все те, идут обратно, не прячутся, радуются легкой добычей – в погосте одни дети да женщины.

А тут одна саамка в лесу хворост собирала. Увидела она чудинов, поняла, какая беда идет. Пошла потихоньку за ними следом и дорогу в лагерь разбойников высмотрела. Вернулась в погост, собрала всех, кто в нем был, и рассказала, что видела. Заплакали женщины и дети:

– Чудь пришла, всех нас убьет! А нам и защищаться нечем. Мужчины на охоту ушли, все луки и стрелы с собой забрали.

У той саамки муж большой охотник был. Много зверя добывал, да только однажды зимой с охоты не вернулся. Искала его женщина, искала, а нашла лишь лук его со стрелами. Вот тот лук со стрелами в погосте и был.

Пошла женщина в тупу, достала из короба лук и говорит семилетнему сыну:

– Твой отец лучший стрелок был в Нотозере. Нет у меня в доме другого мужчины, кроме тебя. Пора тебе, мой семилетний сын, брать в руки лук, погост спасти надо.

Взял мальчик лук, попробовал натянуть тетиву, да сил не хватает. Заплакал он. А мать говорит:

– Не плачь, слезы сил не прибавят. А нам с детьми маленькими да стариком далеко не уйти. Догонят чудины всех нас и убьют.

Высохли у мальчика от этих слов слезы. Почувствовал он, как силы у него прибавилось. Взял опять в руки лук, вскинул его. Тетива легко натянулась.

Увидела женщина это, обрадовалась. Говорит всем:

– Прячьтесь в ямы и сверху дерном закрывайтесь, сидите тихо. А я с сыном к врагам нашим пойду.

Спрятались женщины и дети в ямы, сидят тихо, дети плакать не смеют. А мать с сыном к разбойникам потихоньку подбираться стали. Чудины в это время пировали.

Говорит она сыну:

– Видишь разбойника, в латы с головы до ног закутанного?

Чуэт-Ахкам его имя. Он главный разбойник. Если его убить, чудины разбегутся.

Стал мальчик целиться в Чуэт-Ахкама, да только трудно чудина убить – весь он в латах железных.

В это время Чуэт-Ахкам большой кусок мяса в зубы взял, одной рукой придерживает, а другой, в которой нож, перед самым ртом отрезает маленькие кусочки.

Сказала мать мальчику:

– Попади ему в нож.

Натянул мальчик тетиву, пустил стрелу. Попала стрела прямо в нож, тот вонзился в Чуэт-Ахкама и убил его.

Испугались чудины, побежали в разные стороны. Решили, что домой охотники вернулись и на них напали.

Пришли мать с сыном в погост, позвали всех:

– Теперь уходить надо. Враги знают, где наш погост, позовут новую силу и снова придут грабить.

Собрали женщины своих оленей, что по лесам паслись. Добро стали в короба складывать.

А в это время охотники из лесу вернулись. Похвалили мальчика:

– Теперь ты настоящий мужчина, будешь с нами на охоту ходить!

А времени мало, надо новое место для жилья искать. Жалко всем с Нотозера уходить, да делать нечего.

Стали добро на оленей класть. На первого, самого сильного оленя, – короб с сушеной рыбой да вяленным мясом. На второго, самого смиренного, самого мудрого, – слева мешок с разной кладью, а справа зыбку с малым дитем. Котлы, ковшики для супа, плошки – на третьего. Верхом на оленей детей малых посадили. Оленей друг с другом связали одной хигной – веревкой, сплетенной из сухой травы. Хозяин хигну первого оленя через себя перекинул и потащил всех оленей за собой. А хозяйка за конец хигны держится, рядом идет, родимая душа, около самого хозяина. Так и пошли на новое место счастья искать.

ОХОТНИК

Мальчик, который Чуэт-Ахкама убил, вырос и стал отличным охотником. Женился, дети у него подросли. Только его все в родные места тянуло, которые из-за чуди бросили. Взял он жену, сына и дочку и вернулся на Нотозеро. Поставил вежу так, что ее найти никто не мог, и стал там жить и охотиться. Много зверя и дичи домой приносил. Семья его хорошо жила, нужды не знала. Да только жене в том лесу скучно было.

– Что это мы одни живем, никого не видим? – говорила она мужу. – Совсем лесными людьми стали. Никто в гости к нам не придет.

– Ты бы, – отвечал ей охотник, – лучше порядок в веже навела, новые сети сплела, вот тебе и не скучно было бы.

Ленится жена у охотника:

– Все работать да работать. Надоело мне! – ворчит она.

Рассердился охотник, пообещал проучить как следует за такие слова и ушел диких оленей промыслять. А жене сказал:

– Мусор в реку не выбрасывай, а то гостей накличешь.

Ушел охотник, а женщина кое-как вежу прибрала, пошла мусор выносить да и бросила его в воду. По-своему сделала: «Может, кто увидит и в гости заглянет».

Поплыл мусор по реке, и увидела его чудьюльквик – пешая рать со своим предводителем Чудэ-Чуэрвем. Поднялись чудины по реке и нашли вежу охотника.

Увидела их женщина, обрадовалась: сразу сорок человек в гости пришли! Стала женщина разбойников в вежу приглашать:

– Проходите, – говорит, – не бойтесь. Мой муж охотник, ушел диких оленей промыслять, не скоро вернется.

Угощает она гостей, мясо варит. Пирует чудь. Уговаривает женщину и ее дочь с ними уйти. Обещает им платья нарядные да жизнь веселую в большом погосте. Хочется женщине и дочери ее с чудинами уйти, но боятся они охотника.

Решил тогда Чудэ-Чуэрвь охотника погубить. Обрезал он у женщины ее длинные красивые волосы и сделал из них силья – силок, ловушку. А силья из женских волос даже богатырю не разорвать.

Спросил у женщины, через какую дверь охотник войдет.

– Через чистую, – отвечает хозяйка.

У саамов и на охоту, и с охоты охотник через особую дверь проходил, чтобы удача на охоте была.

Поставил разбойник силья у чистой двери. Своих людей в амбар спать отправил, а сам в веже улегся.

Вернулся ночью охотник и запутался в сильях. Чудэ-Чуэрвь с женой охотника схватили его и к столбу в веже привязали.

– Мы, – говорят, – тебя утром убьем, спешить некуда.

Подождал охотник, пока Чудэ-Чуэрвь и его жена-предательница уснули, и стал звать дочь свою:

– Доченька, доченька, проснись, развяжи мне руки!

А дочка ему отвечает:

– Если помогу тебе, ты непустишь меня к чудинам, а я хочу в их погосте жить, они мне платья новые обещали. Не развяжу тебе руки.

Отвернулась дочь к стенке и еще крепче уснула.

Стал тогда охотник сына звать:

– Сыночек, сыночек, проснись, развяжи мне руки!

Крепко спит мальчик, маленький еще. Что делать охотнику? Скоро уж утро наступит. Проснутся чудины. Опять зовет он сына. Услыхал его сын – проснулся, бросился к отцу, стал силья развязывать, да не может, крепко узел завязан. Взял тогда мальчик из-под подушки у Чудэ-Чуэрвя саблю. Боится отца поранить, а все же веревки режет. И освободил отца от них. Рассказал ему, что в амбарах сорок разбойников спят.

Велел ему отец на берегу озера спрятаться, а сам к амбарам пошел. Подрубил у амбара матицу, которая крышу держала, упала та и врагов придавила. Тем, кто вылезти успел, охотник саблей голову отрубал. Видит, все враги погибли. Вернулся в вежу и сел на старое место, веревки на себя накинул – будто связанный.

Проснулся утром Чудэ-Чуэрвь, радуется – такого сильного человека победил!

– Знаешь, – говорит он охотнику, – какой мне нынче сон приснился? Как будто сорок мух одного ворона склевали так, что остались от него одни кости. А ты что видел, саамский сын?

– Видел я, – отвечает охотник, – как один ворон сорок мух склевал и еще двух доклюет.

Сунул Чудэ-Чуэрвь руку под подушку – нет сабли. Догадался он тут, о каком сне охотник рассказывал, стал у него пощады просить. Да только нет разбойникам никакой пощады. Убил охотник Чудэ-Чуэрвя. Взял потом свой лук и стрелы, посадил в лодку жену, сына и дочь, и поплыли они по большому озеру подальше от этих мест.

Увидел охотник остров, причалил к нему. Вывел жену и дочь на берег и сказал:

– Здесь я вас оставлю. Живите сами, коль предали меня.

Стали мать и дочь спорить, кто из них виноват больше. Спорили-спорили до самого вечера, так и окаменели. На том острове по сей день два серых камня стоят. А охотник с сыном забрали из погоста бабушку и отправились на другое озеро – новую жизнь начинать. Но об этом уже другая сказка.

БРАТ И СЕСТРА

В давние времена жили в одном погосте брат и сестра. Рано у них родители умерли. Сестра красивая девушка была, многие парни на нее засматривались. А брату всего семь лет.

Кто сестру сватать ни приходил, всем она отказывала:

– Вот брат подрастет, тогда и замуж пойду! А то еще обижать его в доме мужа будут.

Так и жили они с братом вдвоем.

Пошла раз девушка на родник за водой, а ковшик дома забыла. Смотрит, у родника красный ковшик лежит, красивый, глаз не отвести. Набрала девушка этим ковшиком воды. А тут из леса Тала-медведь вышел.

– Раз, – говорит, – моим ковшиком воду набирала, быть тебе моей женой.

Испугалась девушка, что было сил домой побежала. Рассказала брату, как Талу у родника встретила.

– Не ходи больше в лес, – брат ей говорит. – Сам воду носить буду.

И вокруг вежи город делать начал – забор из жердей, чтобы Тала не прошел. Хороший город получился, не пробраться через него Тале.

Много времени прошло, забыла девушка про свой страх и снова пошла в лес с подружками по бруснику. Тут ее Тала и подкараулил. Посадил в вукс – мешок кожаный, взвалил на плечи и понес к своей веже.

Пришли подружки из леса, рассказали брату, как Тала его сестру утащил. Поплакал брат: лет ему мало, сил немного. Но все равно пошел Талину вежу искать.

Пришел в лес. Стоит вежа Талы, а дверей в ней нет. Как войти, не знает. Три раза вокруг вежи обошел, сам в медведя превратился. Закричал тогда брат грозным голосом:

– Отдай, Тала, сестру!

Вышел Тала, смеется:

– Иди, – говорит, – вырасти из медвежонка в медведя, потом я с тобой бороться буду. Да смотри, чтобы тебя охотники не поймали.

Убежал брат-медведь в леса силу нагуливать. Вид-то у него звериный, а ум человеческий. Никакому охотнику его не достать, а Тала про это и не подумал.

Брат на оленей охотится, деревья с корнем вырывает и растет быстро, как медведи растут. Силу нагулял, пришел опять к Талиной веже.

– Выходи, – говорит, – бороться будем!

Вышел Тала, смеется:

– Ты хоть силу и нагулял, да все равно я сильнее!

Стали бороться. Побеждает Тала. Испугалась сестра, из вежи выскочила.

– Не убивай, – говорит, – моего брата, отпусти на волю.

Отпустил Тала его. Подбежала к брату сестра:

– Моя жизнь уже пропала, так ты хоть свою не губи. Обойди вежу Талы три раза в обратную сторону – человеком станешь.

– Нет, – брат ей отвечает. – Пока я медведь, у меня сил будет столько, сколько у Талы.

И ушел опять в лес силу нагуливать. А Тала хвастает:

– Найдут охотники твоего брата! Сил у него много, хитрости мало. А меня никто не победит, пока не узнает, где смерть моя.

«Вот бы у Талы узнать, где смерть его», – думает сестра. Накормила его однажды получше, напоила и стала выпытывать. Тала и сказал:

– Надо пошевелить камень, что у озера лежит, откроется тропинка. Если пойдешь по ней, медведя встретишь. Скажешь ему: «По Талиному велению иду!». Он пропустит. Потом волка встретишь, то же самое сказать надо. Потом – росомаху. Тропинка к большому озеру приведет. У берега лодочка без весел. Сказать надо: «Вези, лодочка, так Тала велел!». Она сама на остров привезет. Там орел сидит, рядом с ним – три яйца. Вот в них-то моя смерть.

Запомнила все это сестра, стала брата поджидать. Он нет-нет да и навещал сестру потихоньку от Талы.

Рассказала сестра ему про Талину смерть. Обрадовался

брат, обошел вежу три раза и человеком стал. Только сила у него медвежья осталась.

Пошел на берег озера. Много камней перекатал, пока нужный не нашел, под которым тропинка показалась. Пошел по ней – встретил медведя.

– По Талиному велению иду, – сказал брат, и медведь пропустил его.

Дальше волка увидел.

– По Талиному велению иду, – опять сказал брат. Пропустил и волк.

Росомаху встретил. Сказал ей:

– По Талиному велению иду.

Лодка без весел на остров перевезла. А вот что орлу сказать надо, хитрый Тала скрыл от сестры. Стал брат с орлом бороться. Выкатилось из гнезда одно яйцо. Наступил на него брат. Тала, хоть и далеко был, тут же почувствовал: кто-то к смерти его подбирается. Побежал к камню, пошевелил его, тропинка открылась. Всех своих сторожей Тала с собой взял. Добежали они до озера, а лодки нет. Пришлось им вплавь на остров добираться. А брат уже у орла второе яйцо отобрал. Тут у Талы почти и сил не осталось, еле плышет. Видит брат: Тала уже близко, а с ним все звери Талины. Из последних сил до третьего яйца дотянулся, разбил его. Тала в тот же миг и утонул.

А орел, что Талину смерть берег, был ему верным слугой. Схватил он брата и улетел с ним в небо. Там они оба в полярные сияния превратились.

Так и не дождалась сестра любимого брата. Вернулась в погост, долго его оплакивала. А как зима настала и ночь полярная пришла, засверкало на небе полярное сияние. Вышла как-то девушка на улицу, слышит, будто брат ее зовет. Подняла голову, а он сиянием на небе ходит! И вспомнила она старое поверье: если две палочки, гладко оструганные, в снег воткнуть и покрутить ими до скрипа в снегу, то лучик сияния к ним опустится. Острогала она быстро две палочки, воткнула в снег, лучик от сияния к ним и потянулся. А по нему брат ее любимый на землю спустился. Погостил у нее немного, а в полночь ему опять на небо надо.

Так и живут теперь брат и сестра – ждут чистую морозную ночь, чтобы вновь встретиться.

ЗАКЛЯТАЯ ГОРА

У саамов, как только варака покрасивее или островок какой, обязательно про те места сказка сложена. Так и про заклятую гору эту. Стоит она в Ловозерских тундрах (в наших местах все горы тундрами зовут). И как будто гору эту ножом кто на две половины разрезал, как каравай хлеба. Про нее даже две легенды сложили. В одной вот что сказывают.

Давно это было. Ходила на Кольскую землю чудь. Никакого покоя от нее! А в тот год особенно чудь лютовала. В полон людей не брали: придут, все добро отберут, а людей – и малого, и старого – всех поубивают.

Ближние погосты чудь уже разорила, за те, что в лесах и в горах стояли, принялась. Собрались саамы, а победить чудь не могут. Чудь в латы закована, и ружья у нее самострельные. А у саамов-то лук да стрелы.

Не выдержали саамы и побежали от чуди. Саамы в леса – и чудь в леса, саамы в горы – и чудь в горы. Нет от нее спасения. Стал народ своих нойдов-колдунов просить, чтобы сделали что-нибудь, иначе враг всех перебьет.

Собрались нойды на совет, выбрали самого сильного и говорят:

– Ты колдуй, а мы тебе помогать будем.

Подошли нойды к большому сейду – камню, в котором дух жил: он саамам всегда в охоте да в рыбной ловле помогал. Много таких сейдов по всей Лапландии стоит, и у каждого чуэрвкарт – рога, которые сейдам саамы в жертву приносили, духов замаливали. У некоторых сейдов этих рогов целые горы лежат!

Выбрали нойды самого быстрого оленьего вожака – гирваса, убили его, рога сейду положили, весь камень оленьим жиром намазали, чтобы просьбу выполнил. И колдовать начали.

Один нойд жертвенные рога пошевелил и снежную бурю вызвал. Остановилась чудь, ждет, когда буря утихнет. Стала лагерем. А саамы к горе подошли, и бежать им дальше некуда.

С одной стороны чудь лагерем стоит, с другой – гора неприступная.

Подошел к чуэrvькарту старик нойд. Стал жертвенные рога шевелить, заклинания говорить. Вдруг земля дрогнула, и неприступная гора на две половины разломилась. А в ней пусто. Как будто вежа большая стала. Вошли туда саамы, гора сама собой закрылась. Один человек только снаружи остался. Это был переодетый чуждин, он к саамам пробрался, чтобы разведать, что и как. И все слышал, о чем нойд говорил.

Побежал он к главному чуждину, рассказал, что видел и слышал. Радуются чуждины: «Теперь мы саамов всех разом в этой горе поймаем!». Переждали чуждины бурю, пошли к сейду, рога пошевелили, заклинание произнесли. Дрогнула земля, гора на две половины раскрылась. Вошла в нее чудь, и гора тут же закрылась. Да только саамов там уже не было – старик нойд другое заклинание внутри горы сказал, и все саамы с обратной стороны горы вышли. А этого заклинания чуждины не слышали, так они в той горе все и остались.

Правда, была у чудинов в плену одна девушка-саамка. Чуждины ее с собой в гору взяли. Стал ее отец просить главного нойда еще раз гору раскрыть, чтобы дочку спасти. Долго нойд не соглашался, но потом уступил. Пошевелил жертвенные рога, произнес заклинание, гора раскрылась да так стоять и осталась. Много там чуди погибло. И саамская девушка тоже. Всех гора погубила.

Похоронили саамы девушку у той горы, разошлись по родным погостам новую жизнь, без чудинов, начинать. А через ущелье это большая река потекла...

А вторая легенда совсем по-другому сложена.

Давно это было. Стоял в тех местах большой погост. Жила в нем девушка – такая красивая, что со всех концов к ней свататься саамы приезжали. А она всем отказывала. Любила она бедного юношу из их же погоста. Да только ее родители и слышать о бедном муже для дочери не хотели.

Как-то раз приехал к ним в погост богатый норвежский купец. Увидел он девушку, и сразу она ему в сердце запала. Стал к старикам сватов с богатыми подарками засылать. Старики радуются, какой у дочери жених. Новые платья меряют, заморский ром пьют.

– Пойдешь за купца, – говорит отец, – и все тут.

Плачет девушка, а старики купца уговаривают:

– Девичьи слезы – вода одна. Привыкнет к тебе и плакать перестанет.

Очень жалко им богатые подарки отдавать. Уговаривают они купца скорее девушку в Норвегию увезти.

Собрался он в дорогу. Одарил стариков так, что до конца дней им добра теперь хватит. И поехал с молодой женой через реку в норвежскую сторону. А девушка просит его:

– Дай мне хоть с этого берега на родную землю посмотреть, с погостом проститься!

Вышла она на берег реки. Видит: на другой стороне стоит ее любимый, прощается. Слезы горькие из глаз его льются. Протянули они друг к другу руки, а река между ними широкая. Девушка плачет: не жить ей на чужой стороне без любимого, все одно с тоски умрет. И говорит она:

– Раз не суждено мне счастья в родном погосте, пусть хоть камнем, но на своей земле останусь.

Только эти слова произнесла, как и она, и ее любимый в камни превратились. Да не просто в камни, а в две кегоры – скалы по разным берегам реки. И так эти кегоры друг на друга похожи, будто кто гору надвое разрезал да реку между ними пустил. И такие эти скалы большие, как любовь бедного юноши и красивой девушки.

ВОЛШЕБНЫЙ КОТЕЛ

В саамской семье большая ценность – котел. Ложки, плошки, короба саам когда угодно сам сделать мог, лишь бы дерево, береста да руки были. А с котлами хуже. Их покупать в Коле надо было. А купцы хитрые, драли с саама втридорога. А где до Колы котлы брали, уж сейчас не вспомнить. Наверное, купцы да менялы разные их из-за морей привозили. Так что котлу в любой веже – почет и уважение. А что котел любит? Чтобы его в чистоте держали, бока ему не мяли, палками не били. Тогда сияет котел над очагом, суп варит, хозяев радует.

...Жили на далеком озере старик со старухой. Были они лесные саамы. И была у них дочь, выросла она, невестой стала. И жених ей, красивый парень, нашелся из большого погоста, что на берегу моря стоял. Подарки старикам привез, о свадьбе договорились. У саамов свадьбы зимой да весной играют, когда работы мало. Летом какие свадьбы? Рыбу ловить и сушить надо. Да мало ли какой другой работы в светлое время! Лесные саамы летом к озерам переселялись, где оленю корма побольше да гнуса всякого поменьше. А те, что морем жили, так на месте и оставались.

Загрустила старикова дочка. Скучно ей без жениха. Он в погосте своем у моря. Он там первый рыбак. Рыбу добывает, вестей о себе не подает.

Любит рыбак свою девушку, да как ей об этом через тундры и вараки скажешь? Озеро лесное далеко от моря лежит...

Скучает девушка по жениху и думает: «Там в погосте большом вечеринка! Девки, парни пляшут, песни поют. А я тут одна сижу». А старики переживают: любимая дочка не ест, не пьет, не спит, совсем больная. Что ни спросят, в ответ одно слышат: «Скучно мне!».

Старики думают-гадают: «Что делать? Ехать с девушкой в погост? Дочке хорошо – нам худо! Что будем делать у моря без морской снасти? Тут остаться? Нам хорошо – девке худо».

Вышел старик из вежи и пошел к котлу. Совсем старый этот котел был, деды и прадеды в нем сети красили, и старику он еще верой и правдой служил. Холили его старик со старухой, чистили – всегда его медные бока солнцем отливали! Любил старик с котлом разговаривать. Что неладно в доме, старик к нему за советом. Постучит по нему легонечко, чтобы котел проснулся, и слушает. Так прадеды его тоже делали.

Постучал старик по котлу. Тот проснулся, спрашивает:

– Ну, что тебе, хозяин, надобно? За каким делом пришел?

Сел старик рядом с котлом и говорит:

– Да вот, скучно все дочке.

– И верно, – котел отвечает. – Было время, тут веж стояло много, людно было. Не то что теперь.

Опять говорит старик:

– Беда у меня, дочка совсем извелась. Одно только и слышим от нее: «Скучно!». Сколько лет в тундре живу, слова такого не слыхивал. Помоги, котел, сделай так, чтобы нашей дочке веселее было.

Звякнул котел и говорит:

– Иди спать, что-нибудь придумаю.

Ушел старик, а котел встряхнулся, встал на правое ушко и покатился к морю, в большой погост, только ручка по камешкам забрякала.

Прикатил в погост, слушает. Из одной тупы песни да пляски слышны. Подкатился под нее, взвалил на себя и скорее на озеро, где вежа старикова стояла.

Ночью проснулся старик, слышит: совсем рядом песни поют да пляшут. Выглянул на улицу: чужая тупа стоит, а в ней молодежь веселится. Разбудил дочку.

– Пойди, – говорит, – попляши, пока веселая тупа здесь.

Вошла старикова дочь в тупу. Поискала своего жениха, нашла. Обрадовался он. Пляшет с ней.

– Как, – говорит, – это ты хорошо придумала в гости приехать!

Позвала она парня на улицу. Вышел он, удивился: моря-то нет! Вместо него – озеро.

– Приснилось мне это, – говорит парень. – В море ходил, устал – и заснул, наверное, на вечеринке. И тебя, невесту свою, во сне вижу.

Тут все на улицу высыпали.

– Батюшки, – кричат, – погост проплясали!

Девки заголосили, парни забежали. Не знают, что им делать.

Старик из вежи вышел. Они к нему:

– Скажи, что случилось? Мы дома, в родном погосте, плясали, а вдруг на озере у твоей вежи очутились.

Старику и самому невдомек.

– Ладно, – говорит, – идите плясать. А я пойду у большого котла спрошу.

Пошел старик к котлу, постучал:

– Что теперь делать будем? Парни, девки испугались, что оказались в новом месте.

Сказал котел:

– Исправлю что есть.

И старика спать отправил.

А девки, парни все пляшут, пляшут. Совсем из сил выбились. Уж и утро настало. Выглянули они на улицу: на берегу озера стоят родные тупы, будто всю жизнь здесь стояли. Снасти морские лежат да карбасы на берегу озера. Все же они морскими жителями были. Как тут жить? Одно ладно: озеро большое, рыбой богатое. Что ж, видно, так тому и быть, раз уж сам погост от моря на озеро переехал.

Стали жить. Хорошо живут по сей день в том месте. А старикова дочка скучать перестала. А зимой и замуж вышла.

Вот что простой котел натворить может, если, конечно, с ним ласково обойтись.

СТАРШАЯ ГОЛОВА

На реке Вороньей, что в Баренцево море впадает, стоял погост. Высокая скала его от моря защищала. Но когда на море прилив был, то по реке соленая вода до самого погоста поднималась. А когда в шторм волны в скалу бились, большой шум в погосте стоял.

Жил там в былые времена старик. Его все саамы уважали, умный был. Прозвище ему дали Старшая Голова. А вокруг погоста ни лесочка, одни скалы, разноцветными мхами покрытые, да березки стелющиеся, да грибы. Летом саамы дрова на берегу моря собирали, которые прибоем выбросит. А зимой впрягали оленей в свои керёжи и за дровами подальше в лес ездили.

Раз собрались среди зимы мужчины за дровами. Запрягли в сто керёж оленей и поехали к лесу. С ними старик Старшая Голова. Приехали к лесу, оленей пастись оставили. Олень и зимой свой любимый корм – мох-ягель – из-под снега достанет.

Остался около керёж только Старшая Голова. Вдруг откуда ни возмись чудь пришла. Смотрит: олени пасутся, и только один старик с ними. Обрадовались чудины.

– Мы тебя не убьем, – говорят, – ты нашим проводником будешь. Чтобы всю нашу чудь к ночи в погост привел!

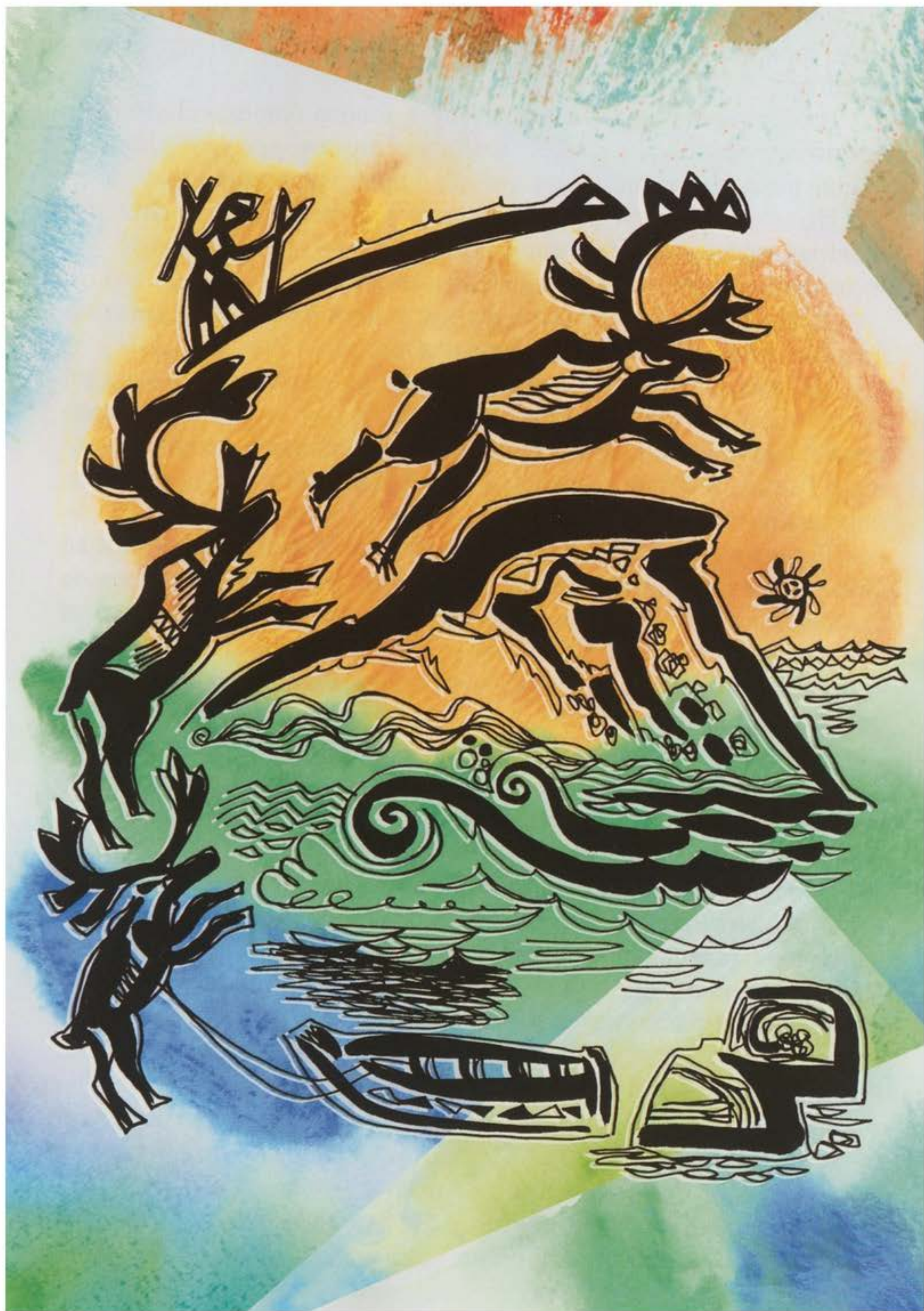
Подумал старик, подумал и согласился:

– Пусть будет по-вашему. Я керёжи с дровами в погост привезти должен. Вы вместо дров в керёжи ложитесь да с головой шкурой оленя прикройтесь. Вас никто не увидит, так и поедем, а то вокруг погоста и леса нет. Далеко видно, кто в гости идет!

Обрадовались чудины: как старик ловко все придумал! Поймали оленей, впрягли в керёжи. Улеглись в них. Старик хитрой все керёжи друг с дружкой связал, один конец через плечо перекинул и пошел в погост.

Главный чудин спрашивает:

– Зачем это ты все керёжи вместе связал?

– Да чтоб ни один олень в сторону не отбился. Вы, – говорит, – лежите тихо, а как в погост войдем, я так и скажу: «Приехали».

Идет старик, тянет за хигну передового оленя. «Надо совсем ночью прийти, – думает, – чтобы в погосте все уже спали. А то еще встречу кого-нибудь, все дело испортить можно».

Ночь уже наступила, да и погост близко. Вдруг слышит главный чудин: шум большой.

– Что за шум? – спрашивает старика.

– Да это соленая вода с пресной воюет. Сейчас совсем тихо лежите, погост близко, не высовывайтесь.

Притихли чудины, лежат, пошевелиться боятся. А старик потихоньку в сторону моря повернул, к той скале, о которую волны разбивались. На Баренцевом море зимой шторма сильные! Теплое течение Гольфстрим ему у Мурманского берега замерзать не дает.

К самому краю обрыва подвел старик передового оленя да как стеганет его! Не стерпел олень такой обиды, рванулся со скалы. И все сто керёж в море упали. А старик стоит на скале, причитает:

– Прости меня, мой любимый олень, мой гирвас. Не мог я по-другому погост спасти.

Только он это произнес, как все олени, что в воду попадали, в скалы превратились. Эти камни по сей день называют Сто скал.

Наутро саамы из лесу в погост вернулись.

– Ну, – говорят, – Старшая Голова, мы дров нарубили, пришли, а ни тебя, ни керёж нет. Видно, совсем ты состарился.

Ничего не сказал старик, к скале подвел. Увидели тут саамы эти Сто скал, все поняли сразу. Неловко им стало перед стариком, а он рукой махнул и в вежу пошел. Устал очень, спать повалился.

НАЛЭТЬ

Была у одного нотозерского старика дочь-красавица. Плохо им жилось – дичи в лесах мало стало, и олени, главные кормильцы саамов, давным-давно в этих местах перевелись.

Посватал дочь старика парень из Семиостровского погоста. Подумал старик да и отдал за него дочь – сытно в том погосте саамы жили.

Прошло после свадьбы полгода. Заскучал старик, решил дочь навестить. Приехал к зятю в погост.

Хорошо старика приняли. На почетное место посадили. Мясом важенки и пойдой – салом оленьим – угостили. Огляделся старик, а оленей-дикарей на вараках у погоста и не сосчитать. Почему это им счастье такое? Наверняка нечистое дело!

Стал старик ходить, все высматривать. Увидел сейд, а вокруг него чуэрвькарт – целую гору жертвенных рогов. Вытащил он один рог из земли, отрубил у него верхушку да на место поставил, а остальную часть – налэть – себе взял. Спрятал подальше, чтобы никто не увидел. «Поставлю, – думает, – этот налэть у своей вежи. Может, и мне оленье счастье выпадет».

Вернулся старик домой и скорей в тундру, на горный хребет поднялся, к своему сейду, и положил под него налэть.

Немного времени прошло, пошли семиостровские олени на запад. И собрались все на той тундре, где старик налэть спрятал, целые стада! Нотозерские, туломские, печенгские охотники в ту тундру ходить стали. А ягель там богатый был. С хороших кормов олени-дикари жирными стали. Тундры те по сей день Сальными тундрами зовут. А саму гору, где старик обрубок рога – налэть – спрятал, назвали Налэтьпоаррь – Горный хребет обломка оленьего рога.

Хорошо стали жить нотозерцы. А семиостровцы видят: обеднели их охотничьи места, ушли олени в нотозерскую сторону. Догадался тут стариков зять, что не обошлось без колдовства тестя. Пошел старика навестить. Смотрит: на Сальных

тундрах полно оленей, а больше всего на горе Налэтьпоаррь. Огляделся вокруг, увидел большой сейд, а под ним обломок рога, что раньше у их сейда лежал.

Добрый был стариков зять. Разрубил налэть и только половину его с собой взял, а вторую под сейд снова положил. Часть оленей-дикарей за зятем на восток пошла, но и в Сальных тундрах столько осталось их, что и по сей день там водятся.

КАК СТАРУХА ПОГОСТ ОТ ЧУДИ СПАСЛА

Невысоки Хибины, вершины у них временем сглажены, все в трещинах, как в морщинах, трудно с непривычки по ним ходить. И жили там в давние времена горные саамы. Каждая семья – далеко друг от друга.

В одной из долин – Расвум, на юге Хибинских гор, стоял погост. И жила в нем одинокая древняя старуха. Не очень-то ее в погосте любили, побаивались. Говорили, она нойда – колдунья.

А старуха, хоть и лет ей много было, хорошо на лыжах бегала. На охоту ходила, дичь себе добывала, силъя на куропаток ставила подальше от жилья. И только она эти места знала. Всегда полный мешок птицы приносила. Тем и жила.

Пошла однажды старуха на лыжах в свои места, да очень быстро вернулась. Смеются саамы:

– Что, старая, за соседней варакой теперь куропатокловишь?

А старуха отвечает:

– Чудь на наш погост идет. На лыжах они, не успеет солнце за горы зайти, здесь будут.

Испугались саамы:

– Что же делать? – спрашивают.

– Берите скорее детей и по крепкому насту в горы поднимайтесь. Да идите так, чтобы следов не видно было. А два самых быстрых саама пусть траву сухую возьмут, что мы в каньги кладем, да скорее идут на тот склон, где весной лавины сходят. И всю дорогу до самого верха травой засыплут: подумает чудь, что мы по этому склону в горы ушли. А те двое пусть наверху останутся, чтобы чудь их заметила.

Долина Расвум на саамском языке – Травяная. Там много травы растет. Саамы, чтобы мягко ходить было, сухую траву в обувь кладут. А когда идет саам, она через верх каньг обязательно высыпается.

Послушались саамы старуху. Все с детьми и стариками по пологому склону ушли. А два брата, быстрые и ловкие, к лавинному, крутому, подались и весь его сухой травой засыпали. Только они свое дело успели сделать, как показались чудины. Пришли, а погост пустой.

Стали смотреть, куда саамы делись. Глядят: на одном склоне сухая трава дорогу прямо в горы наметила. Бросились чудины к этому склону. Лезут по нему, ногами топают, шумят. А тут еще братья на вершине показались да по стреле в чудинов пустили. Совсем чудь раззадорилась, радуется: не ушли саамы далеко.

– Эй, – кричат, – лопцы! Подождите, мы сейчас до вас доберемся, всех в полон возьмем!

Едва чудины до середины склона добрались, как оторвался от плоской вершины козырек снега – большую лавину вызвал. Понеслась она, и всех чудинов засыпала. Никто не спасся.

Каждый саам, что в горах живет, знает: лавина даже от громкого крика сойти может. И на каких именно склонах она сойдет, это и отцы их, и деды, и прадеды знали... Вот так умная старуха спасла погост.

О ЧУДЕСНОМ ПЕРЕЕЗДЕ С ОСТРОВА КИЛЬДИН

Отправились как-то несколько саамов на карбасе к острову Кильдин треску промыслять. На тройник ловили – крючок такой большой на длинной веревке за борт опускают и подергивают. Треска поближе к берегу кормиться приходит целыми стаями. Как только рыбацье счастье на стаю выведет – знай себе дергай! Рыбина какая хвостом зацепится, какая боком, а бывает, и по две на один поддев вытаскивают.

Дергали они треску, дергали да приустали, решили к острову Кильдин пристать, отдохнуть немного, ушицы сварить. Вышли на берег – красиво кругом! Морошка розовая да желтая ковром землю устлала.

Сварили обед, ягод пособирали и решили поспать. Сделали из паруса и трех жердей куваксу да повалились. Спали они, спали, а тут ветер поднялся, заходили по морю высокие волны. Проснулся кормщик и говорит весельщику:

– Пойди на берег, посмотри, цел ли наш корабль?

Пришел весельщик на берег – нет карбаса. Бежит обратно, кормщика зовет. Пошли они по берегу в разные стороны карбас искать. На другой стороне острова встретились – ничего не нашли. Наверное, карбас в открытое море унесло.

А остров Кильдин хоть и красив, да лесу на нем отродясь не было. Одна береза карликовая по земле стелется. Из нее не то что плот какой сделать – костра толком не разжечь.

Делать нечего, пришлось остаться на острове, ждать да высматривать, не покажется ли где парус. В ту пору промышленников еще мало на Мурманском берегу было. Прождали день, два, три, ни одна посудина к острову не приближается. Всю треску, что поймали, съели, все запасы закончились. Не от кого, видно, помощи ждать, надо как-то самим с острова выбираться.

А кормщик у них сыном нойда был. После смерти отца сам нойдом должен был стать. Вот его-то и попросили рыбаки: «Все равно тебя отец своему умению с детства учил. Попробуй

поколдуй! А то и мы пропадем, и ты с нами пропадешь». Подумал-подумал сын нойда и говорит:

– Как только куйпога сделается, – когда вода во время отлива далеко-далеко уйдет от берега, – дойдем до самой воды, расстелем парус, на одну половину ляжем, другой прикроемся. И я с вами буду.

Удивились саамы, спрашивают:

– А когда в прилив вода обратно пойдет, мы ведь все утонем!

– Нет, – говорит кормщик, – не потонете. Только уговор один выполнить надо. Что бы вы ни слышали, из-под паруса не выглядывайте, лежите – не шевелитесь.

Сделали рыбаки все, как им сказано было. И уговор обещали выполнить.

Долго они так под парусом лежали, уж и терпение все кончилось. Вдруг слышали шум. Сначала тихий-тихий, а потом все сильнее и сильнее, как будто много рыбы играет. Не утерпел весельщик. «Дай, – думает, – посмотрю, что за шум такой». Стал парус открывать, чтобы выглянуть. Но кормщик увидел это и закричал:

– Кто это уговор нарушает?!

Весельщик жалуется:

– Ой, братцы, у меня бок подмокать начал!

– Лежите тихо! – снова кормщик приказывает.

Лежат все смирно. Страшно стало. А шум тот потихоньку стихать начал и вскоре вовсе стих. Тут кормщик говорит:

– Ну, теперь и выходить можно.

Вылезли саамы из-под паруса, глазам не верят. Оказались они на другой стороне, на матером берегу, у самого погоста. Удивились рыбаки: столько лет живут, столько лет рыбу ловят, но никогда не слышали, чтобы на парусе кто по морю плавал. А кормщик посмеивается себе.

Стали его рыбаки уговаривать: расскажи да расскажи, как все это получилось? Он и рассказал:

– Пришла с приливом большая стая рыбы сайды, встала под нашим парусом, поплыла к матерому берегу и нас на парусе потащила. Весельщик начал из-под паруса выглядывать, рыба тут погружаться стала. Поэтому и подмок он. А если бы еще кто надумал выглянуть, сайда совсем бы ушла. Уговор всегда выполнять надо.

КАК БРАТЬЯ СЕСТРУ ИЗ БЕДЫ ВЫРУЧАЛИ

Жили у озера Имандра два брата с сестрой. Братья на охоту ходили, а сестра хозяйство вела да рыбу на Имандре ловила. Красивая была девушка. Много к ней женихов свататься ездило, да ни один из них братьям не нравился.

Васька из Пазрецкого погоста сватал. Не понравился братьям: шапка у него стара. Иван из Воронинского приезжал, да одежда на нем драной показалась. Мошников из Сонгельского приходил, да глаз у него кривой братья разглядели. И из Масьельги жениха не приняли, и из Кильдинского погоста парень им не приглянулся.

Смеется над ними сестра:

– Нет, наверное, погоста, из которого меня бы не сватали. Одно мне осталось: за Сталло-Стала замуж идти.

Испугались братья:

– Не смей даже в шутку такие слова говорить! Услышит Сталло-Стал – беды не миновать.

А Сталло-Стала, подводного жителя, никто никогда не видел, но вот дудочку его слышали. Выходит Сталло-Стал иногда на землю, в трубочку свистит. Кто тот свист услышит – обязательно с тем беда приключится. Так старики сказывали, и братья это знали.

Подошло время братьям на охоту идти. Наказывают они сестре, чтоб из дому не выходила. Дрова принесли в тупу, воды натаскали.

– Жди нас, – говорят, – через три дня дома будем.

Подождала сестра, подождала, да скучно стало. Всю работу в тупе переделала. «Дай, – думает, – схожу на озеро. Рыбки наловлю, братцам ухи сварю».

Вышла девушка к озеру, села в лодку, оттолкнулась от берега. Только стала невод заводить, как выскочил из воды Сталло-Стал и утащил ее.

Вернулись братья домой – нет сестры. Пустая лодка на воде

покачивается, да круги большие по озеру идут. Догадались они: это Сталло-Стал сестру украл.

Загоревали, не знают, как им быть, что делать. Пошли к нойду. Стали просить его, чтобы узнал, где их сестра, и научил, как ее из беды выручить. Достал нойд бубен, взял колотушку из оленьего рога. Тихонечко бьет в бубен, а связка медных колечек от ударов по бубну прыгает, правду нойду показывает.

Долго нойд судьбу девушки у того бубна спрашивал. Устал совсем. На землю повалился, уснул мертвецким сном. Стоят братья, комаров от нойда отгоняют, а сами все вопросы свои повторяют ему в самое ухо, чтобы тот не забыл, на что ответы искать.

Три дня спал нойд. Потом проснулся. Разжал руку, а в руке кольцо, что пропавшая девушка на поясе носила.

– Вот, – говорит братьям, – вам привет от сестры принес. Замужем она за Сталло-Сталом, жителем подводного царства. Чтобы до вашей сестры добраться, надо из березовых прутьев веревку сплести такой длины, что семь лет плетут. Один из вас по той веревке на дно озера спустится. Там трех старух встретит. Это старшие жены Сталло-Стала. Тоже земными девушками были. Они мужа своего не любят, помогут вам его погубить. Старух этих вам слушаться надо.

Пошли братья домой, пригорюнились. Но делать нечего, другого пути нет. Нарубили березовых прутьев и стали веревку плести. Семь лет работали. Потом жребий бросили. Выпало младшему на дно озера спускаться.

– Ты когда меня опустишь, – сказал он старшему брату, – веревку обратно не поднимай, пока я ее дергать не стану. Как дерну, тогда и тяни.

Долго младший брат под воду спускался. Уже лето кончилось, зима настала, озеро льдом покрылось. И на дне озера тоже зима, сугробы кругом высоченные. Куда идти, младший брат не знает. Вдруг почувствовал: дымком потянуло. Пошел на тот дым и вышел к веже. Сидит в ней старушка, куделю прядет.

– Что за горе тебя сюда привело, человек? – спрашивает.

Рассказал младший брат про свою беду.

– Мало чем могу тебе помочь, – говорит старушка. – Лыжи дам и опаса – проводника. А сначала садись покушай.

Положила она перед ним пол-оленья.

– Ешь, – говорит, – ни крошки не потеряй.

Как ни голоден был саам, да не смог все мясо съесть. Покачала головой старушка:

– Не все у тебя гладко выйдет, не все.

Дала ему лыжи, клубок шерсти под ноги бросила. Идет младший брат за клубком, ничего впереди себя не видит. Ночь полярная на земле и то светлей, а под водой ни месяца, ни звезд не видно – совсем темно.

Долго шел, из сил выбиваться начал. Чувствует: опять дымом тянет. Клубочек-опас у вежи остановился. Сидит в веже старушка постарше первой. Двух собак у очага кормит.

– Зачем пожаловал, человек? – спрашивает.

Рассказал ей младший брат про свое горе. И еще о том, как у ее сестры пол-оленья съесть не смог. Тоже покачала головой старушка:

– Не все гладко выйдет у тебя, не все. Дам я тебе двух собак своих да два каравай хлеба. Ты когда к Сталло-Сталу пойдешь, собак на полпути оставишь. Возвращаться будешь, бросишь им эти караваи, они тебя и пропустят. А прежде к моей старшей сестре зайди, она оленья быстрого даст, который тебя от погони умчит. Но только слушайся во всем мою старшую сестру.

Взял младший брат собак, встал на лыжи, а клубочек-опас впереди него покатился. Докатился до вежи и остановился. Смотрит младший брат: сидит в веже совсем древняя старуха.

– Давно тебя жду, – говорит. – Твоя сестра уже истосковалась. Пойди на вараку. Какого оленья первым встретишь, того и веди сюда.

Пошел саам на вараку, лесную горушку. Попался навстречу черный олень, тощий-претощий, один рог сломан, ноги все о наст до крови стерты.

Засомневался младший брат, тот ли это олень, что ему нужен. Смотрит, а рядом белый красавец пасется. Взял он белого оленья и повел к веже.

Посмотрела на оленья старушка, головой покачала:

– Не все ладно у тебя выйдет, не все. Плохо слушаешь, плохо делаешь.

Накинул младший брат оленю петлю на шею, конец веревки в руки взял, встал на лыжи, собак кликнул и покатил к веже Сталло-Стала. Олень лыжника легко тянет. Быстро домчал брата.

У вежи дети играют, три мальчика. Увидели его, закричали:

– Мама, мама, к нам дядя приехал!

Выглянула их мать за порог, увидела младшего брата, заплакала:

– Убьет тебя мой муж!

Дала брату поесть и говорит:

– Поезжай обратно, скоро Сталло-Стал вернется.

Послушался он сестру, поехал к древней старухе. А в это время Сталло-Стал домой вернулся. Увидели его дети, закричали:

– А к нам дядя приезжал!

– Какой дядя? – он детей спрашивает.

– Материн младший брат, – отвечают.

– А какой у него олень был? – спрашивает Сталло-Стал.

– Белый, старухин, на котором она воду возит, – отвечают дети.

– Этого я догоню, – говорит Сталло-Стал.

Бросился Сталло-Стал в погоню за младшим братом. В одно мгновение догнал. Дунул в волшебную дудочку, засвистела та, брат и окаменел. Белый олень один к старухе вернулся. Увидела она оленя, выдернула из вежи березовый прут и пошла по следу брата искать. Нашла камень, которого раньше в том месте не было. Ударила по нему три раза прутиком – камень в человека превратился.

– Ох! – говорит младший брат. – Уснул я, что ли?

– Мог бы и весь век проспать, – пробормотала старуха.

Привела его в вежу, отогрела, опять на вараку за оленем посылает.

– Возьми, – говорит, – того, что первым встретишь.

Пришел брат на вараку, а навстречу опять черный олень. «Ну, – думает брат, – уж если красавец белый от погони не спас, этот и подавно не спасет». Смотрит: рядом серый олень пасется, гладкий, сытый. Выбрал серого оленя. Привел к веже. Ничего старуха ему не сказала, только головой покачала.

Накинул он оленю петлю на шею и поехал опять к веже сестры. Только подъехал, дети, как и в первый раз, закричали:

– Дядя приехал, дядя приехал!

– Не смейтесь надо мной, – говорит им мать. – Ваш отец погубил моего брата.

И тут увидела она брата, целого и невредимого. Запричитала, заплакала.

– Уходи, – говорит, – быстрее! И кормить тебя даже не буду!

Послушался брат сестру, уехал. Тут хозяин домой вернулся. Дети ему говорят:

– А к нам опять материн брат приезжал. Олень под ним серый был, на котором старуха дрова возит.

– Ну и этот ничего не стоит, – сказал Сталло-Стал и бросился в погоню.

Полдороги саам не проехал, догнал его Сталло-Стал. Дунул в волшебную дудочку, и опять в камень брат превратился.

Вернулся к старухе серый олень. Выдернула она из вежи прутик, пошла младшего брата по следу искать. Смотрит: камень у дороги лежит. Раньше его тут не было. Ударила по нему прутиком три раза, камень превратился в человека. Встал младший брат на ноги и говорит:

– Как долго я спал!

– Да ты еще дольше бы спал и вовсе бы не проснулся, если б не волшебный прутик! – говорит старуха. – В последний раз попробую дело поправить.

И посылает его опять за оленем на вараку:

– Первого оленя, которого встретишь, бери, а то беда большая будет.

Пришел он на вараку, схватил черного заморыша, а тот упирается, идти не хочет. Еле-еле младший брат довел его до старухиной вежи. Ничего на этот раз старуха не сказала. Младший брат накинул на оленя петлю, встал на лыжи и к веже сестры поехал.

Опять дети закричали матери:

– Твой брат приехал! Брат приехал!

Выбежала сестра ему навстречу, опять уйти просит.

– Сильно Сталло-Стал осерчал, – говорит. – Всех он нас погубит.

Повернул младший брат обратно, а хозяин тут как тут.

– Неужто опять твой брат здесь был? – спрашивает жену.

– Был дядя, – отвечают дети. – На черном плешивом олене приезжал.

Задумался Сталло-Стал. Такого оленя он что-то у старухи не видел. Бросился в погоню. Увидел издали младшего брата,

еще сильнее припустил. А брат стоит себе на лыжах, за веревку оленя держит, а тот его быстрее ветра с вараки на вараку мчит.

Полдороги уже проехали, видит младший брат: Сталло-Стал его совсем нагоняет. А тут еще собаки из-за кустов выскочили. Насилу саам вспомнил, что два каравае для них третий день за пазухой носит. Бросил их собакам, те его и пропустили.

Добежал до собак Сталло-Стал, они на него набросились – на куски разорвали. Повернул тогда саам опять к сестре. Та сидит плачет, брата любимого, что ее выручать приходил, оплакивает. Да только дети опять кричат:

– Дядя приехал! Дядя приехал!

– Что-то вы, дети, путаете. Это отец ваш вернулся!

Вышла она из вежи, а тут брат стоит, черного оленя поглаживает.

Стали они в обратную дорогу, на землю, собираться, сундук добра с собой взяли. Да только жалко матери детей. Они наполовину люди, наполовину подводные жители.

– Что же с ними делать?

– У старухи древней спросим, как поступить. Может, посоветует что, – утешает брат.

Пришли они к веже старухи, а она уже их поджидает, угощение приготовила. Радует: нет больше Сталло-Стала.

Стал младший брат старуху на землю звать.

– Нет, – говорит старуха. – Обо мне и память на земле уже стерлась. Буду свой век здесь доживать. И ребят на землю брать негоже. Не жить им среди людей. Оставьте мне старшего, нам вдвоем веселее будет.

Поблагодарили брат с сестрой старуху. Оставили старшего мальчика, и снова в путь. Шли, шли, дошли до вежи, в которой старушка собак кормила. Увидела их, обрадовалась. Нет больше ее обидчика, нет Сталло-Стала.

Брат с сестрой стали и ее на землю звать.

– Нет, – отвечает она, – не пойду. Никого, с кем я раньше на земле жила, уж в живых не осталось. Буду тут век коротать. Оставьте мне среднего сына, нрав у него кроткий да веселый, хоть он и Сталло-Сталов сын.

Поблагодарили брат с сестрой старушку. Оставили ей среднего мальчика и дальше двинулись.

Пришли к веже первой старушки, что клубок и лыжи млад-

шему брату давала. Обрадовалась она им, как родне. Но на землю тоже вернуться отказалась. Попросила младшего сына ей оставить.

– Я еще не так стара, успею себе кормильца вырастить. А вы возвращайтесь на землю. Поклонитесь от меня родной стороне!

И пошли они вдвоем – брат с сестрой. Шли, шли, наконец дошли до веревки. Стали за нее дергать. Потянул старший брат веревку наверх, первой сестру вытащил. Опять веревку спустил. Сундук вытащил. А в третий раз, когда брата тянуть начал, веревка и оборвалась. Размокла, ведь целый год в воде была, пока младший брат ходил сестру выручать.

Упал младший брат на дно озера. Пошел опять к старушкам, просит его горю помочь. Вывела ему самая древняя старушка черного оленя. Впрягли его в керёжу. Другая старушка опас-клубочек дала, чтобы дорогу показывал. Третья – собак, чтоб в дороге охраняли.

Сказала ему самая древняя старуха:

– Три года тебе из озера ехать придется. Долго это, конечно, но брату твоему веревку целых семь лет плести. Поезжай лучше – быстрее дома будешь.

Мчит черный олень. Впереди клубочек катится, рядом собаки бегут. Три года, как день, пронеслись. Выехал из озера младший брат. Увидели его старший брат и сестра, обрадовались. И зажили опять втроем, как и прежде.

КРАСИВАЯ КАТЕРИНА

Давно это было. Жили у Семи островов муж да жена. Жену саама Катериной звали, и не просто Катерина, а Муччесь, что значит «красивая». Даже в Коле, среди русских, такой красавицы не было.

Хорошо жили, дружно. Муж в море ходил, зверя морского и рыбу промышлял. А когда и в лес на охоту выберется – оленя-дикаря добудет, куропаток принесет.

Так и жили бы они себе до самой старости, но однажды пристал к тому месту норвежский корабль. Увидели моряки самскую женку, залюбовались ее красотой. И был среди них купец. Так ему Катерина на сердце пала, что решил он ее в жены взять.

Не хочет Катерина с норвежским купцом идти. Позвал он матросов, и силой ее на корабль увели. Плачет Катерина, причитает:

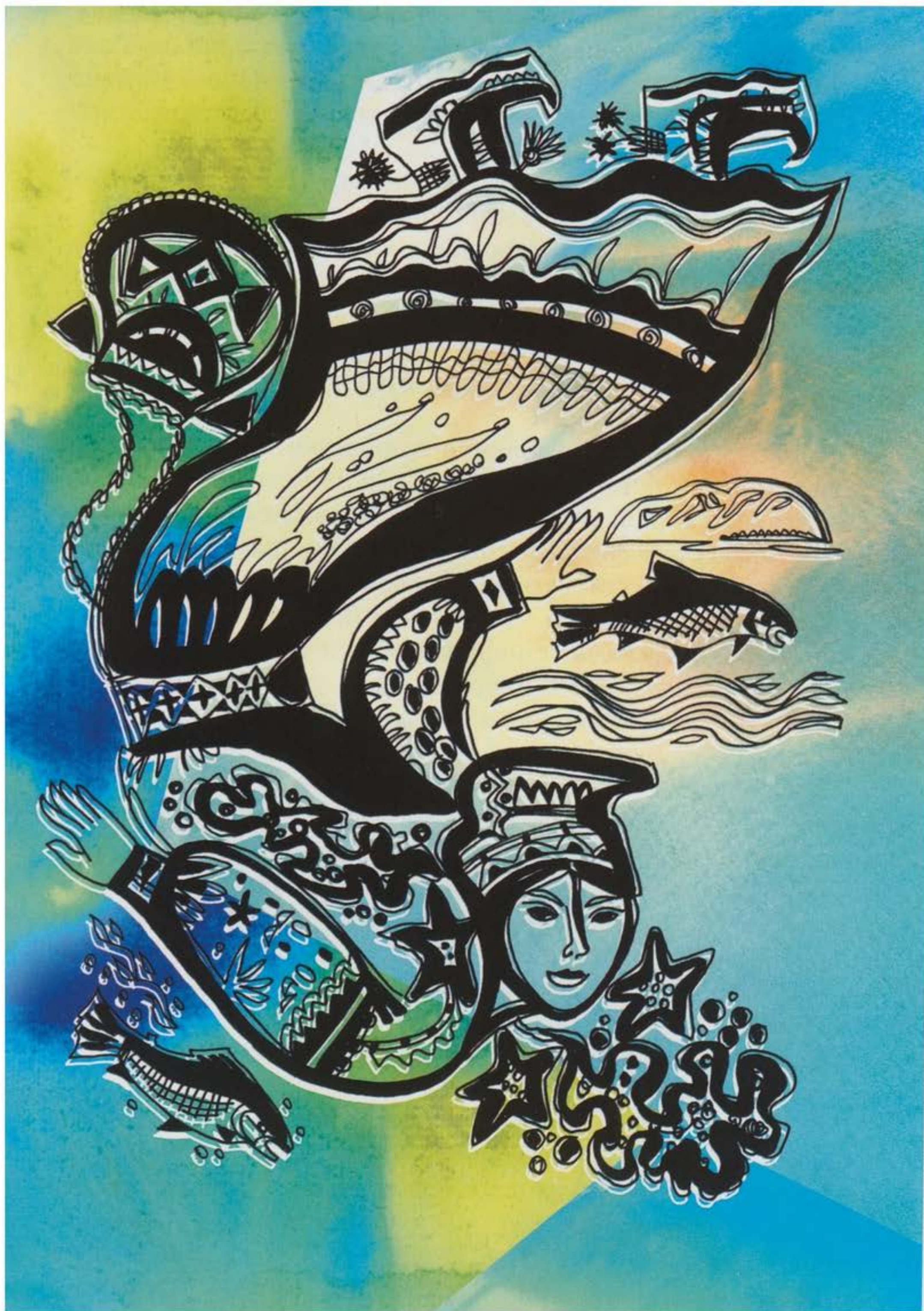
Муж мой любимый,
Увозит меня норвежец –
Кривые ноги, острое сердце.
Спаси меня!

А муж ее недалеко сілья на куропаток проверял. Услыхал он плач жены, бросился что было сил к веже, да не успел.

Черным лебедем плывет корабль, а на нем Катерина плачет. А муж ее бежит берегом, просит купца вернуть жену. Посмеивается норвежец.

Схватил саам лук, пустил стрелу. Да толку что? Не долетают стрелы до того корабля. Так бедный муж от Семи островов до Вороньего мыса и добежал без остановки. А куропатки, что у него за пазухой были, даже сварились.

Но вот силы его оставили, упал на землю. Три дня лежал, горевал, да вспомнил, что дети малые в веже остались. Пошел обратно – детей растить да любимую свою Катерину домой ждать.

...Одного не знал норвежец – кривые ноги, острое сердце: насильно мил не будешь. Дарит он Катерине подарки богатые: платья красные, платки расписные. Да только ничего Катерину не радует. Не улыбается она, не смеется, а только о любимом муже и о детках тоскует.

Рассердился купец. Заказал кузнецу три замка семифунтовых, запер Катерину, а сам в море ушел.

Сидит Катерина за тремя замками, и все ей родное Семиостровье видится. Вот дочка в веже чистоту наводит. Вот сын в дальнюю тундру на охоту пошел. А вот муж любимый в море тюленя бьет. Весна, солнышко землю пригревает. Радуетя Катерина, что растут ее детки. Подсказывает сердце: ждут они ее – дождаться не могут.

Три года ходил на корабле купец по морям, по океанам. Вернулся домой еще богаче, чем раньше. Таких Катерине подарков навез, что в саамской стороне о них и слыхом не слыхивали.

Не улыбнулась даже Катерина, на те подарки и смотреть не стала. Просит купца отвезти ее в родные края.

Разозлился норвежец – кривые ноги, острое сердце. Запер опять ее тремя замками семифунтовыми и ушел в море на три года. А Катерина глаза выплакала, одно утешение: все, что в родной веже происходит, как наяву видит. Так, наверное, всегда с любящими сердцами бывает. Никакая разлука им не помеха.

Выросли Катеринины дети. Дочь хороший охотник-саам сватает. Сын отцу на промысле помогает. Так и живут, и все Красивую Катерину домой поджидают.

Вернулся через три года купец. Смотрит на Катерину и узнать не может. Черной стала Катерина, волосы седые, глаза запали. Просит она опять норвежца:

– Возьми меня с собой в море. Хоть издали на родные места глянуть!

Дрогнуло сердце купца. Видно, любовь от разлуки еще крепче становится.

Снарядил купец корабль, и пошли они в сторону Семиостровов. А Катерина все на палубе стоит, берег желанный высматривает. На третий день показались Семь островов. Не выдержала Катерина, бросилась с корабля в воду. Да только сил до берега доплыть не хватило. И стали ее волосы водорослями морскими, бусы ракушками рассыпались, серьги – морскими

звездами, а мешочек с рукоделием в морского ежа превратился.

Плавает теперь Красивая Катерина у родимых берегов морской девой. И поет печальную песню:

Увез меня купец –
Кривые ноги, острое сердце.
Но не сумел отнять у меня
Моих любимых.
Разбилось в разлуке мое сердце.
Плаваю я теперь у родных берегов
Девой морскою.

Выйдет вечером на берег моря муж Катерины, послушает-послушает песню девы морской и горько заплачет.

НЕКРАСИВАЯ ДЕВКА-НОЙДА

То ли на берегу озера Имандра, то ли еще на каком озере стоял большой саамский погост. Озеро рыбное было. А вокруг по кегорам да варакам много оленей диких паслось.

Девушки в том погосте все красавицы были, а на самом краю стояла старая вежа, в которой жила девушка-сирота. И некрасивая, и оленей у нее не было – никто ее в жены брать не хотел. Да еще поговаривали, что она нойда, колдунья.

Одни старались от нее подальше держаться, а другие говорили: «Какая она нойда, если ни оленей, ни жениха себе приворожить не может? Это дело любой колдунье по плечу. Просто некрасивая да бедная девушка». И жалели ее: кто мяса принесет, кто старую малицу. Один молодой саам очень ее жалел, с охоты придет, всегда мяса даст. А она его очень любила.

Только раз полярной ночью стряслась большая беда. Увидели саамы: через озеро идет к ним чудь, сила огромная. Испугались, куда бежать, не знают, кругом снег глубокий, догонит их чудь, всех перебьет.

Тут девка-нойда и говорит:

– Я спасу погост, но только пусть этот парень, который меня больше всех жалеет, на мне женится.

А парень не хочет.

– Зачем мне такая жена некрасивая, – говорит, – когда в погосте девки одна другой краше?

Отвечают ему старики:

– Некрасивая девка – это не чудь. Возьмешь ее замуж, всех спасешь.

Делать нечего, согласился парень.

Тогда девка-нойда говорит:

– Зарежьте жирную важенку. Мясо, пойду – сало оленье и рога мне отдайте, я колдовать буду. А сами по домам прячьтесь, три дня на улицу не выходите.

Сделали саамы все, как девушка велела, по домам спрята-

лись. А чудь уже совсем близко: слышно, как снег под полозьями их саней поскрипывает да олени рехкают. А девка-нойда мясо варит, оленьим рогом в котле помешивает.

Разыгрался тут буран, да такой сильный, что и старики не помнили. Три дня бушевал! Снегу навалило столько, что вежи по самый ряппень – окошко на верху вежи – засыпало. А девка-нойда мясо важенки поест да спать завалится. Первый раз у нее дома вдосталь сытно!

Через три дня стих буран, выбрались саамы из веж. Смотрят, а на озере под самым берегом новый остров стоит, снегом не прикрытый, большой, как сто сорок человек вместе с санями и оленями. Догадались они, что столько чудинов и было. Тот остров теперь Чудиным называется.

Посмотрели саамы вокруг, а девки-нойды не видно. Ее вежу совсем снегом завалило. Заволновались саамы: не пропала б их спасительница! Стали вежу откапывать.

А некрасивая девка жива, ничего ей не сделалось. Она мясо важенки три дня ела досыта, мясной суп пила, спала вволю и вроде бы краше стала. Смотрит на нее парень и говорит:

– На такой девке можно и жениться!

Стали тут саамы всем погостом к свадьбе готовиться. Жених невесте новое платье подарил из синего сукна, оловянной проволочкой расшитое, и много колец на пояс. Совсем девушка красавицей стала. Три дня свадьбу играли, тридцать оленей съели. Вот как было.

СКАЗКА О ДВУХ БРАТЬЯХ

В давние времена не просто было сааму-бедняку найти себе жену. А уж бедной девушке замуж выйти и того сложнее. Разве какой старик вдовец возьмет бесприданницу – за хозяйством присматривать.

Жила когда-то в Кильдинском погосте бедная девушка. Не было у нее оленей. И подарки своим будущим свекру и свекрови сделать она не могла – не из чего. В то время такой обычай был: подарки родителям жениха каждая саамская девушка сама мастерила. Рукавицы меховые, бисером шитые, мешочки для иголок – свекру, каньги новые – свекрови, рубаху – брату жениха, платок – сестре его. По тому, как невеста вещи эти смастерит да украсит, о ней и судили.

А девушка эта самая красивая в погосте была. Полюбил ее молодой саам, и хотя родители не разрешали взять ее в жены, женился на ней. Рассердились старики, прогнали молодых и ни одного оленя им не дали.

Бедно жили молодые. Но были счастливы – любили друг друга. Саам охотой промышлял, девушка рукодельничала, рыбу ловила.

Да только родители саама на него по-прежнему сердились. Мечтали они его женить на старухе, у которой большое стадо оленей было. Много подарков они злым нойдам делали, чтобы они молодых разлучили. Нойды за подарки колдовали, да все не помогало.

Стали молодые ждать своего первого ребенка. Пуще прежнего родители рассердились. Зазвали сына к себе, опоили его зельем, и забыл он жену.

Осталась она совсем одна. Все над ее горем в погосте потешаются, никто не жалеет: закон нарушать нельзя. Поплакала она, заплакала да и пошла в лес. «Пусть, – думает, – меня дикие звери съедят».

Бредет она по сугробам, с вараки на вараку переходит, ви-

дит след росомахи. «Дай, – думает, – пойду по нему, пусть меня росомаха съест». Долго шла, смотрит – олень, в снег закопанный. Это росомаха часть добычи про запас оставила.

Бедная женщина давно ничего не ела. Развела она костерок, мясо на углях поджарила, поела и спать прямо в сугробе легла. «Будь что будет», – думает.

А росомаха запах костра учуяла и ушла. Проснулась бедная жена. «Дай, – думает, – я себе из снега жилье сделаю и поживу рядом с этим оленем». Она из бедной семьи была, так что много чего делать умела. Построила вежу. Дров насобирала, сняла с оленя остатки шкуры, постель себе сделала. А тут и время родить пришло.

Родились у нее два сына. Надрала она бересты, сплела им короба вместо люлек. Отрезала свои волосы, сильев наплела. Зайцы да куропатки в волосяные силья хорошо ловились! Детей в заячьи шкурки укутала. Потом осмелела – куниц да горностаев ловить стала. А пришла весна – отправилась пешком в Колу. Все, что надо для хозяйства, там на шкурки куниц и горностаев себе выменяла. Вернулась, поставила вежу настоящую и зажила с сыновьями, горя не зная. Такой охотницей стала, много зверя добыть могла, купцы сами к ней за товаром ездили.

Прослышал про это муж ее, вспомнил, какая добрая и красивая жена у него была, приехал, да поздно – не приняла она его. Так с сыновьями в лесу жить и осталась.

Быстро росли парни. Многому их мать учила: и ветры распознавать, и следы зверей в лесу читать, и мастерить все, что семье саамской надо. Выросли братья богатырями. Время подошло, согнули они тонкие деревья в луки, натянули тетиву из жил оленя-дикаря, стрелы из оленьих костей да рогов сделали и стали сами охотиться. А потом и свое стадо оленей у них появилось. Теперь мать уже на охоту не ходила, а дома рукоделием занималась. Такие красивые каньги да койбицы шила, узорами расшивала, что в Коле за них большие деньги платили.

Богато жить стала мать с сыновьями. Много уж лет прошло, а родители мужа все успокоиться не могут. Завидуют они, что одна таких сыновей вырастила. И задумали внуков своих погубить. Разыскали в лесу Адзь – нечисть лесную. Разного добра ей наобещали, если сумеет братьев-богатырей убить. А той, ясное дело, лишь бы горе кому принести. Согласилась Адзь.

Вот как-то раз собрались братья на охоту. Долго шли – нет оленей. Совсем в лесную чащу забрались. Вроде уже и домой пора возвращаться, да вдруг увидели они оленью тропу – такую утопанную, будто только что стадо по ней прошло. Двинулись братья по тропе, а она на две разделилась. Где оленей искать? Выбрали братья себе по тропке и решили поодиночке счастья попытать. А прежде чем расстаться, воткнули в сосну каждый свой нож и разошлись в разные стороны.

Идет один из братьев, а навстречу ему горностай бежит. Натянул тетиву, смотрит: у горностая детеныш маленький. Пожалел его охотник. А тот и говорит человеческим голосом:

– Пожалел ты меня, охотник. Возьми моего детеныша, пригодится он тебе.

Пошел охотник дальше. Осторожную росомаху встретил. Только ее убить хотел, смотрит: и у росомахи детеныш. Не стал и росомаху убивать. Говорит ему росомаха человеческим голосом:

– Пожалел ты меня, охотник. Возьми моего детеныша, пригодится он тебе.

Пошли они дальше, охотник и два детеныша – горностая и росомахи. Долго шли, встретила их на тропе медведица с медвежонком. Не стал охотник и медведицу убивать. Отдала она доброму охотнику медвежонка.

Пошли они дальше все вместе и пришли к небольшой веже. Хочет охотник в нее войти, а зверята не пускают, под ноги ему кидаются. Не послушался он, вошел в вежу, а там Адзь сидит, в старушку обратилась. Куделю прядет.

Выронила старушка веретено. Нагнулся охотник поднять его и старушке подать и... в тот же миг окаменел. И звери, что с ним были, в камни превратились.

А другой брат шел по своей тропе долго-долго. Вышел к большому стаду оленей-дикарей. «Вот славная охота будет, – думает. – Надо бы за братом вернуться. Вдвоем мы много оленей добудем». И пошел по тропе назад. Дошел до развилки, вытащил нож брата, смотрит, а нож поржавел. Заспешил охотник: значит, с братом беда.

Бежит он по братовой тропке, видит: горностай плачет. Охотник было лук поднял, да не каждый день плачущего горностая в тундре встретишь. Не стал его убивать. А зверек ему и говорит:

– Возьми меня с собой. Твой брат с моим детенышем в беду попали.

Взял его охотник с собой. Идут они, спешат, а навстречу – росомаха. Говорит она человеческим голосом:

– Возьми меня с собой, мой детеныш с твоим братом в беду попали.

Пошли они дальше вместе. Видят: на тропе медведица их поджидает. Понял охотник, что и медведица с ними на выручку пойдет. «Ну, – думает, – теперь мне ничего не страшно, разные звери мне помогают».

Дошли они до конца тропы. Глядят: вежа стоит, а вокруг нее валуны-камни. Догадались, что это за камни. Открыл охотник дверь вежи. Бросились звери на Адзь и разорвали ее на кусочки. А кусочки эти зашипели, задымились и в черный мох превратились.

Стали звери и охотник искать у Адзь живую воду. Горно-стай, маленький, юркий, ленточкой вытянулся и достал из расщелинки в камельке склянку. Побрызгал из нее охотник на камни – они и ожили.

Пошли все назад. Звери со своими детенышами каждый к своей норе или берлоге вернулся, братья – к матери. А та уже все глаза проглядела, их поджидая. Материнское сердце всегда чувствует, когда с детьми беда. И поклялись братья с той поры не расставаться. И на охоту вместе, и в жены себе славных девушек-сестер высватали. И по сей день живут, горя не знают.

ДЕТСКИЙ ЦАРЬ

Сказывают, был в стародавние времена у саамов царь. Правил он справедливо. Одно плохо: жена царя все в его дела вмешивалась. Женщина она была красивая, но злая. Много от ее нрава дурных дел происходило. А царь любил ее безмерно и не замечал зла, что она творила.

И вот должен был у царя сын родиться. Вершит царь суд, спор мужа с женой рассуживают. И царица тут же. По царскому суду выходит: прав муж. Царица, наоборот, жену оправдывает. Вдруг ее младенец, который еще не родился, говорит:

– По себе и оправдала.

Разозлилась царица:

– Родиться еще не успел, а уже учит! Что же я с ним потом делать буду?

И задумала она недоброе.

– Как только рожу младенца, – наказала она своей служанке, – выбросишь его на съедение зверям, а мне другого достанешь, пусть хоть из самой нищей семьи будет.

Родился у царицы сын. Отдала она его служанке. Пошла та в лес. Доброе сердце у служанки было, не может она ребенка бросить. Долго шла, до самого моря. Видит: стоит рыбацкая тупа. Заглянула в нее, а там в зыбке ребенок плачет, мальчик. Положила она царского сына в зыбку, а рыбацкого с собой забрала. Идет обратно, радуется: так хорошо все получилось! Принесла царице сына рыбака. Та ее наградила и молчать приказала.

Растет у царя сын, смысленый, бойкий. А как вырос, потянуло его в море. Ходит он под парусом, ничего не боится, рыбу ловит, как промышленник какой. Одно царя тревожит: того, что царскому сыну делать надо, царевич делать не хочет. Только и норовит быстрее в море уйти. Печалится царь: не вырастет из сына хорошего правителя.

А сын рыбака тем временем тоже вырос. Все вокруг ему дивятся. Игры у него не такие, в какие дети рыбаков играют, да и

недетские игры какие-то. Во всем первым хочет быть, суды над сверстниками вершит, но, правда, всегда справедливые. Дети выбрали его своим царем. А взрослые прозвали – детский царь.

И так у рыбацкого сына все справедливо выходило, что и дети, и взрослые стали к детскому царю за советом и судом ходить.

Как-то одна бедная старушка взяла блюдечко муки у соседей в долг. Только из чужой тупы на улицу вышла, налетел ветер и всю муку развеял, ни пылинки не оставил. Осерчала старушка. Пошла к царю на ветер жаловаться.

Выслушал тот старушку, засмеялся.

– Глупая, – говорит, – ты, старуха! Как же я могу ветер судить?

Старушка говорит царю:

– Не сумел ты нас с ветром рассудить, пойду я лучше к детскому царю. Тот все может. Он и меня с ветром рассудит.

Царь удивился:

– Что это за новый правитель в моем государстве объявился? Надо бы посмотреть на него.

Пошла старушка к детскому царю. И царский советник с ней.

– Рассуди меня с ветром, – говорит. – Мне соседи горсть муки дали. Вышла на улицу, налетел ветер и развеял муку до последней пылинки.

Пожалел детский царь старушку.

– Когда, – спрашивает, – ветер муку твою развеял?

– Да вчера к вечеру, – отвечает старушка.

Позвал детский царь парней.

– Вчера, – говорит, – к нам три корабля вечером в губу зашли. Позовите их капитанов ко мне.

Позвали капитанов. Те идут: интересно им на суд детского царя посмотреть.

Спрашивает тот у капитанов:

– Как вам вчерашний ветер, в помощь был?

– Конечно, – отвечают. – Если бы не ветер, мы б к вечеру до губы не добрались.

Тогда детский царь сказал:

– Вам ветер помогал, а у бедной старушки последнюю горсть муки развеял. Дайте старушке по горсти муки.

Улыбнулись моряки, понравилось им решение детского царя. Отдали они старушке каждый по горсти муки. Обрадовалась она, никогда у нее столько муки не было!

Рассказал советник царю про этот суд. «Что-то не так здесь, – думает царь. – За какое дело ни берется, все решает».

И захотел царь сам на детского царя посмотреть да поспрашивать его, проверить, так ли умен, как говорят. Приказал он слугам отправить детскому царю трех оленей-быков да сказать, чтобы через известный срок, когда те олени родят, он с оленятами к нему явился.

Взял детский царь быков.

– Убейте их на мясо, – говорит он саамам. – А шкурами худые вежи почините.

Так и сделали.

Подошел срок телят к царю вести. Уговорил детский царь одного старичка на царский двор пойти и сделать все, как он скажет. Пришел тот, увидел царя, лег на землю и давай кричать:

– Ой, сейчас рожать буду.

– Умом человек тронулся, – засмеялся царь. – Когда это мужчины детей рожали?

– Справедливо говоришь, – старичок ему отвечает. – А зачем же быков рожать заставлял?

Догадался царь, чьи это проделки, удивился, как его ребенок провел. Пошел сам на умника посмотреть. Царица тоже пошла с ним. Увидала она парня да давай над ним насмехаться. А детский царь взял весы, на одну сторону будто положил что, а на другую вроде ничего не положил.

– Что это ты делаешь? – царь его спрашивает.

– Да женский ум взвесить хочу. Но чего нет, то ничего и не весит, – отвечает детский царь.

Понял тут царь, что это его сын. Забрал его к себе. Наследником сделал, а своего воспитанника на волю отпустил. Тот рад-радешенек, вырос – капитаном стал. А царицу злую с тех пор все слушать перестали.

СТАРУХА И АЦЦЫ

Жили в лесной глуши у небольшого озера две вдовы. Леск-Агка – вдова саама-охотника, обыкновенная женщина. Аццы – вдова лесного жителя и сама лягушка.

Подрастал у Леск-Агки сынок. Мать на него нарадоваться не может: «Вырастет – охотником будет. Мясо в доме появится, пойда, на оленьей постели кости свои старые отогрею». Думает она так, а сама сосновую кору растирает, чтобы кашу из нее сварить: надо как-то голод пережить.

Аццы дочь свою в люльке качает, тоже думает: «Девка, она и есть девка. На охоту не сходит, мяса не добудет, а вырастет – замуж отдать придется. Останусь я на старости лет одна. Хорошо вдове охотника, сын у нее».

И задумала Аццы недоброе. Однажды подкралась к веже вдовы охотника, когда та в лес за дровами ушла, взяла ее сына, а на его место свою дочь положила. И убежала с чужим сыном далеко в лес, на другое озеро.

Вернулась Леск-Агка домой, подошла к зыбке, видит: лежит в ней дочь Аццы. Заплакала горько, да делать нечего. Ста-ла дочь Аццы растить.

Прошло много лет. Вырос у Аццы-лягушки человеческий сын. Мать свою родную совсем не помнит. На охоту ходит. У Аццы всегда мясо в котле варится. Живет она, горя не знает. Вот только стало парня Аццыного из дома к людям тянуть. Понял он тогда, что роду-племени не лесного, а человеческого. Недалеко от Аццыной он вежу другую сделал, как у людей. И стал жить в ней.

Однажды охотился он на оленя-дикаря и забрел на дальнее-дальнее озеро. Видит: стоит ветхая вежа, тонкий дымок из нее еле вьется. «Кто же в таком скверном жилище живет?» – подумал парень. Заглянул потихоньку в ряппень: сидит у очага старуха, каша сосновая на огне парится, даже жиринки в ней не плавают. Жалко стало парню бедную старуху, отрезал он от оле-

ня, что на охоте добыл, кусок и через ряппень в котел с кашей опустил.

Смотрит старуха: в котле блески жира. «Откуда им взяться? – удивляется. – Много лет в доме пойды не водилось». А парень к Аццы вернулся. Да только никак забыть не может бедную старушку. Все время его в ту сторону тянет. Куда бы ни пошел охотиться, все равно на обратном пути мимо бедной вежи пройдет. Подберется незаметно, опустит в ряппень кусок мяса и обратно спешит.

Один раз он долго в ряппень смотрел. Старушка опять у огня сидит, а рядом с ней дочка Ацекнийд. Удивился парень: уж очень Ацекнийд на Аццы, мать его, похожа. Опустил он в котел через ряппень мясо и ждет, что дальше будет. Ацекнийд и говорит Агке:

– Смотри, кто-то опять в котел мясо опустил, жир поверх каши плавает.

Посмотрела старушка в котел и тихо так сказала:

– Было бы у меня мясо и сало всегда, если бы мать твоя сына у меня не украла. Он уже, наверное, охотником стал, как его отец. А Аццы, поди, вся жиром заплыва, за нас с тобой ест.

Услышал это парень, задумался. В другой день после охоты опять к старушкиной веже завернул. Видит: сосновой каши еще меньше, чем в прошлый раз, варится. Положил в котел незаметно кусок мяса, смотрит, что дальше будет.

Ацекнийд первая жиринки на каше заметила, обрадовалась:

– У нас опять каша с мясом!

Посмотрела старушка: и правда.

– Что ж, не привелось есть от промысла сыновьего, зато нашлись добрые люди, пожалели нас в нашей бедности.

Так захотелось парню в вежу войти да расспросить обо всем старушку! Через силу ушел. Вернулся домой и думает: «Наверное, это моя мать. Меня всегда к той веже тянет, и каждый день я все про ту старушку думаю».

Еле утра дождался, стал опять на охоту собираться. Аццы удивляется:

– Зачем на охоту идешь? Мясо у нас есть...

Почувствовала она что-то неладное. Стала его расспрашивать, где он ходит, что видит. Сын отговаривается, не хочет свою

догадку открыть. Ушел он в тундры, добыл оленя и прямо к старушке завернул.

– Здравствуй, старушка, – говорит ей. – Много я ходил по тундре, устал, оленя жирного добыл. Не приготовишь ли поесть мне? И сама с дочерью сыта будешь.

– Иди к огню поближе, гость желанный, – приглашает старушка. – Расскажи, откуда ты пришел, где живешь. Живы ли старики твои?

– Далеко от этих мест моя вежа, – отвечает парень. – А мать моя Аццы на твою дочь похожа, что две капли воды.

Рассказала тут ему старушка, что Аццы у нее сына украла, когда он в зыбке лежал, а ей Ацекнийд оставила. Тут парень ей и сказал, что давно вокруг ее вежи ходит, тянет его сюда. Обняла его старушка, прижала к груди, и оба почувствовали: и правда, они мать и сын. Стали думать, как дальше быть. Аццы, как узнает обо всем, их в покое не оставит. Коварная она, лягушка эта, везде их найдет и погубит. И дочку Ацекнийд старушке жалко, столько лет с ней прожила, добру учила.

– Пусть с нами живет, – порешили они.

А Аццы обманом надумали погубить. Вернулся сын к Аццы и говорит ей:

– Завтра невесту в дом приведу.

Осерчала Аццы, не хочет, чтобы парень женился. А перечить не смеет. «Ну, – думает Аццы, – я на невестку порчу наведу, ее сын сам из дома выгонит».

Поехал наутро сын как бы за невестой, а сам к матери своей. Нарядил ее, повез в дом к Аццы. А перед тем дал матери рукавицу – койбицу, золы в нее насыпал и говорит:

– Аццы тебе навстречу выйдет, ударь ее этой рукавицей, она и дух испустит.

Вышла Аццы «невесту» встречать, старушка ее койбицей по голове ударила, Аццы и конец пришел. Привязал сын Аццы к оленю, стеганул его. Помчался олень по варакам и кегорам, Аццы в прах по ним рассыпалась. И стали там расти кроме ягеля другие мхи – красный и черный. Олень такие не ест. Долго саамы думали, на что те мхи сгодиться могут. Красный мох стали детям как подстилки в зыбки класть, а черным – тупы и карбасы конопатить. А сын со своей матерью и Ацекнийд долго и счастливо жили.

СААМ-БОГАТЫРЬ

Самое большое озеро у нас на Кольском полуострове – Имандра. Почти сто километров тянется оно с севера на юг. Берега его заливами изрезаны, а островов на нем и не сосчитать сколько. А рыбы раньше столько было в Имандре, что, когда она разыгрывалась, сама в лодки прыгала. Особенно красная рыба кумжа. Но только это плохая примета. Если кумжа к сааму в его лодчонку запрыгивала, он ее скорее за борт выбрасывал и спешил к берегу причалить. Знает саам: значит, скоро ветер поднимется, буря будет. И заходят по Имандре волны высокие, как на море.

Много саамских погостов на ее берегах да островах было. На самом большом острове и по сей день стоит красивая варакка – горушка, густым лесом поросшая. Рассказывают, что в незапамятные времена жил под этой вараккой саам-богатырь с матерью-старушкой.

Плохие были тогда времена. Не давала чудь саамам спокойно жить. Но и богатырь не позволял врагам свой народ обижать. Узнает, что в соседний погост чудь пришла, сразу спешит на выручку. Сила у него была такая, что сосну с корнем вырвать мог. Боялась его чудь, с оглядкой по берегам Имандры разбойничала.

И задумала чудь от богатыря избавиться. Собрали они большую силу и поплыли к острову. Да не тут-то было. Богатырь вокруг своей вежи город построил. Городом саамы забор называли, особый такой забор: поперечные бревна прямо к деревьям крепили. А богатырь те бревна в два ряда навесил, а между ними камни насыпал.

Так вот, подошли разбойники к этому городу, а как через него к веже подобраться, не знают. Решили на варакку залезть, глянуть сверху, что же за тем забором делается.

Смотрят: а богатырь ловит себе рыбу на берегу озера и прятаться не собирается. Удивились разбойники: их целая тысяча пришла, а саам их не боится.

Увидел богатырь чудинов на вараче и закричал:

– Зачем пришли?

– Да тебя в полон взять, – отвечают. – Нам сильные люди нужны.

– Много вас пришло, – говорит богатырь. – Делать нечего, пусть будет по-вашему. Только сначала идите ко мне в вежу, перед дальней дорогой вам угощение приготовлю.

Чудь радуется: так быстро они с саамом справились! Зашли чудины за город, расселись, угощения ждут. А саам говорит матери:

– Пойди в тундру, пригони десяток оленей, чудь угощать будем. А потом потихоньку из города выйди. Я с этой чудью воевать буду.

Пригнала мать оленей, а сама в лесочке в амбарушек спряталась.

Богатырь достал котлы, в которых невода красят, и говорит чудинам:

– А теперь моторы – жерди значит – вырубить надо, чтобы котлы на них повесить.

Стали чудины моторы рубить. Саам посмотрел-посмотрел и говорит:

– Разве такие тонкие палочки десятипудовые котлы выдержат? Вот какие надо!

И давай сосны с корнем выдергивать, обстругивать да к костру ладить.

Радуются чудины: какой богатырь на них работает! Он им и мясо в котлы крошит, и пойду тонко нарежает. Вкусный дух от котлов идет.

У чудинов уже никакого терпения нет. «Давай, – кричат, – мяса скорее, есть будем!».

– Кушайте, чудины, – угощает их саам, а сам все больше и больше мяса подкладывает.

Чудины жадные, большие куски глотают. Наелись – пошевелиться не могут. Тут богатырь выдернул из земли мотору, на которой котел над костром держался, и давай чудинов налево и направо крушить. Всех уничтожил: «Не будете на нашу Имандру ходить, саамские погосты грабить».

Потом собрал мертвых врагов и камнями засыпал, большую гору навалил. Камни те и по сей день далеко видны. Са-

амы около этого места ночью ездить боятся. Говорят: поныне слышно, как чудины в камнях стонут.

И еще один обычай у саамов с тех пор завелся. Как только хозяйка обед приготовит, хозяин мотору тут же из земли вытащит и на всякий случай с собой рядом положит.

ДОЧЬ ЖИТЕЛЕЙ СКАЛ

Поехали как-то несколько саамов из Иоканги на морского зверя охотиться. Повезло им: большущего морского зайца добыли. Потом в озере палии, рыбы розовой, наловили. Уху сварили, поужинали и уснули все крепко в избушке-промыслушке – устали за день.

Только одному парню не спится. Все его тянет на улицу выйти. Полежал он, полежал. «Дай, – думает, – выйду, все одно спать не могу».

Вышел, огляделся вокруг. Место чудное. Скалы большущие, темные. Днем совсем по-другому все виделось. Только так подумал – ветер его подхватил и понес.

Очнулся в незнакомой каменной веже. И как сюда попал, не помнит. Старик со старухой чужие за столом сидят, его угощают. Тут дочь их вошла Пактйелленийте. Красивая девушка.

Догадался парень, что у жителей скал очутился. Страшно ему стало. Уговаривают старик и старуха:

– Возьми нашу дочь в жены. Она, как тебя увидела, покоя лишилась.

Подумал парень: «Откажешься – навеки тут оставят». И согласился:

– Пусть будет по-вашему. Только жить мы будем в нашем погосте.

– Ничего, – говорят старик и старуха. – Твою жену, кроме тебя, никто не увидит.

Тут снова подхватил ветер парня, и он очутился в избушке-промыслушке. Словно и не выходил из нее.

Еще три дня на берегу прожили. Дочь жителей скал все эти дни не показывалась. Парень уже обрадовался: «Может, и совсем не придет?». На четвертый день сели саамы в лодку, поплыли в Иокангу. Смотрит парень: сидит с ним рядом Пактйелленийте. Он ее видит, говорит с ней, а все будто глухие и слепые: не видят ее и, что он с девушкой разговаривает, не слышат.

Приехали домой. Стал парень мать-старуху просить праздник устроить. Рядом с собой прибор поставил, а никого не посадил. Гости веселятся да удивляются: парень один весь вечер танцует.

А девушка была красивая, кроткая. И полюбил тот саам ее крепко.

Прошло немного времени. Стала в саамской веже тосковать его жена. Просит мужа отпустить ее в ближайшие скалы жить. Как не хотелось отпускать ее сааму! Но пришлось.

Поселилась она в скале недалеко от его вежи. Повеселела, встанет на скалу и песни поет. Муж эти песни слышит, радуется. А как только вечер настанет, парень из дому уходит. Придет к скале, впустит его жена. Ночь вместе коротают, а утром саам домой идет.

Не нравится все это старухе матери: чего это сын по ночам куда-то ходит? Давно уже пора в дом невестку брать – старухе на старости лет помощница будет, да и внуков понянчить охота.

Стала уговаривать мать сына жениться, он ни в какую. «Пойду, – думает старуха, – к нойду. Пусть колдует. Узнаю, почему невестку в дом взять не могу».

Стала у нойда совета спрашивать. Сказал ей нойд: есть уже у нее невестка, только невидимая. Вернулась мать домой, плачет:

– За что мне старость такая, когда я невестки не вижу, внуков не нянчу? Веди, – говорит сыну, – свою жену в дом. Нойд обещал ее видимой сделать.

Пришел вечером парень к скале. Смотрит: стоит его жена – видимая! Привел ее в вежу. Старуха на невестку наглядеться не может – такая красавица! Только лицо у нее всегда печальное. Живет Пактйелленийте среди людей и с каждым днем все бледнее и бледнее становится. В погосте и недолюбливают, и побаиваются – чужая, на других не похожа.

Стала просить она мужа отпустить ее в родные скалы. А у него душа разрывается. Любит он Пактйелленийте.

Пошел как-то на охоту, вернулся – нет жены. Ходил, искал, нигде не нашел. А как солнце садиться стало, увидал свою Пактйелленийте на скале. На той, где она песни петь любила. Так навечно на скале и осталась.

И сейчас, если на закате в Иоканге на скалы смотреть, можно увидеть красивую женщину.

ЗОЛОТОЕ ДЕРЕВЦЕ

На берегу большой реки жили старик со старушкой. И было у них три сына и дочка. Пришло время – старики умерли. Остались дети одни. Немного им старики добра оставили – вежу да карбас.

Жили они, жили, все работали, особой нужды не знали. Да только время подошло семьи им свои заводить. Сестра и говорит братьям:

– В нашей лесной глуши и людей нет. Где же мы невест для вас возьмем, а для меня жениха? Давайте сядем в карбас и поплывем по течению. Там внизу погосты стоят, люди живут. Может, там и суженых своих встретим.

Подумали-подумали братья да так и сделали. Сели все они в лодку и поплыли вниз по течению.

Сидит сестра на корме, по сторонам смотрит, берегами любовается. Видит: стоит сосна, а веточка у нее будто из чистого золота. Просит она братьев к берегу пристать, веточку золотую сорвать хочет. Старший брат и говорит:

– Давай я тебе эту веточку сорву!

Подошел он к сосне, а за ней вежа. А у вежи девушка-саамка сидит, сети вяжет. Понравилась парню девушка, и он ей приглянулся. «Видно, это моя судьба», – решил старший брат.

Позвал он братьев и сестру. Стали они девушку за старшего брата сватать. Свадьбу сыграли. Три дня гуляли. Остался брат в веже под сосной жить, а остальные дальше поехали – свою судьбу искать.

Долго плыли. Видит сестра: стоит береза, а одна веточка у нее словно из золота. Опять просит сестра к берегу пристать, веточку достать. Пошел средний брат веточку для сестры сорвать. А под березкой тупа стоит. Заглянул в нее, а там девушка у камелька сидит, суп варит. Понравилась она ему, и он ей тоже. Решили вместе жить. Позвали из лодки брата и сестру. Те девушку за среднего брата посватали. Свадьбу сыграли. Остался

средний брат в тупе под березой жить. А младший брат с сестрой дальше отправились.

Плыли они, плыли, видят: стоит осина, и одна веточка на ней как золотая. Опять стала сестра просить к берегу пристать, веточку достать. Пошел младший брат веточку для сестры сорвать. Подошел к осине, а за ней увидел избу русскую. А в ней девушка – такая пригожая! Увидала парня, обрадовалась.

– Видно, суженый мой пришел, – говорит.

Позвал брат сестру.

– Вот, – говорит, – и моя судьба.

Сыграли свадьбу. Остался младший брат в избе жить. Погостила у него сестра и, как брат ни уговаривал у него остаться, поплыла дальше, судьбу свою искать. До самого вечера плыла. Видит: стоит на берегу ель, вся будто золотом горит. Вышла девушка из карбаса, а он сам вдруг от берега поплыл. «Видно, и я к своей судьбе пришла», – подумала девушка.

Подошла она к ели, а под ней вежа просторная стоит. Амбары жилые кругом, олени да овцы бродят. Большая семья, видно, в этой веже живет. Зашла она в вежу, а там старичок и старушка сидят. Увидели девушку, обрадовались.

– Вот, – говорят, – нашему сыну жена будет!

Усадили девушку в почетный угол. Старичок бабку торопит:

– Поставь суп да мясо накроши, сало растопи, девушку накорми.

Огляделась девушка: в другой половине вежи две женщины сидят. Толстые, надутые, на нее не смотрят, старикам не помогают.

– Это жены старших сыновей, – старик говорит. – Чистое наказание, ничего делать не хотят. Да где в лесной глуши невест лучше найдешь? Вот младшему сыну повезло. Такая красавица к нашей веже пришла, как в песне поется:

На лбу – солнце,
По щекам – звезды,
На затылке – месяц.

Жены старших сыновей слушают, что старик говорит, злятся.

Тут братья из лесу пришли. Младший посмотрел на девушку и полюбил ее сразу. Свадьбу сыграли. Жених пригожий, и невеста – красавица.

Много ли, мало ли годков прошло, кто сейчас вспомнит? Жили все в одной веже, как у саамов водится. Мужчины на охоту ходили, женщины по дому работу делали.

Пошли как-то невестки за ягодами. Брусники много набрали. Вдруг видят: чахкли играют. Стали женщины просить у них по сыну себе. Старшие просят пузатеньких, с перхотными головками, на них самих похожих. А младшая говорит:

– Какая сама есть, пусть такой и сын будет.

Старшие невестки шепчутся:

– Ишь чего захотела! Хватит нам и одной красавицы!

Пришла пора – родили старшие невестки сыновей, на себя похожих, с перхотными головками, пузатеньких. И младшей невестке пора рожать пришла. Отправилась она в амбар, и старшие невестки с ней. Как только родила она красавца мальчика, невестки его в керёжу сунули и от берега оттолкнули. А бедную мать связали и амбар подожгли. А сами кричат:

– Свекор, свекор! Амбар горит!

Прибежал старик, сразу понял, что дело нечистое. Вытащил он младшую невестку из амбара, а та от горя онемела. Старик и старуха у невестки спрашивают, что с ней, а она молчит. А старшие невестки тут как тут.

– Куда, – кричат, – ребенка дела? Наверное, лесной нечисти отдала?

Вернулись сыновья с охоты, старшие невестки своих сыновей, толстеньких, с перхотными головками, на себя похожих, показывают, хвастаются. А младшая только плачет.

– Как же ей не плакать? – говорят невестки. – Дитя родное в лес кинула!

Опечалился младший брат, а старичок со старушкой говорят:

– Нечистое тут дело, не верь им. А жена твоя и рада бы рассказать все, да не может.

Простил младший брат жену, а невестки пуще прежнего злятся.

Прошло время, опять младшей невестке рожать пора. Спряталась она подальше в лес, думала, никто там ее не найдет. Да только старшие невестки высмотрели. Отняли опять у нее новорожденного мальчика, положили в карбас и от берега оттолкнули. А невестку связали и в лесу бросили.

Хватились старик со старушкой – нет младшей невестки, опять с ней беда. Стали искать ее. Нашли в лесу, еле выходили. Молчит девушка, ничего мужу сказать не может. А старшие опять за свое:

– И этого своего ребятеночка лесной нечисти отдала. Даром что красавица.

Не верит женам братьев младший.

Много ли времени утекло, пришла пора красавице в третий раз рожать. Стали братья на охоту собираться. Вышли на вараку, а младший брат больным сказался и к веже потихоньку вернулся. И успел увидеть, как невестки его только что родившуюся дочку в лодке по реке пустили. Кинулся он ту лодку по берегу догонять, спешит ее перехватить. А внизу по реке падун большой был.

Вдруг видит лебедя, который лодку с ребенком перехватил и к берегу правит. Подошел ближе. А над самым падуном гнездо большое, и в нем с лебедями два мальчика уже большенькие сидят и девочка новорожденная лежит. Догадался он, что это его дети.

Вернулся к веже. Там все как прежде, только жена его бледная-бледная, как из могилы встала. Взял младший сын ее за руку да мать с отцом и повел к берегу. Увидела женщина детей, обнимает их, целует. Старичок и старушка радуются, лебедя благодарят. И к невестке от радости такой голос вернулся. Тут и рассказала она, как старшие невестки хотели ее детей погубить.

И решил младший брат с женой и детишками в вежу не возвращаться. Ушли они подальше от тех мест, насколько сил хватило. И зажили там счастливо. С тех пор у саамов женатые братья в одной веже не живут. Каждый свою ладит.

ДОЧЬ СОЛНЦА

В давние времена жил в лесу на берегу большого озера саам с женой и дочкой. Хорошие у них уголья были. Олень-дикарь приходил в те места, озеро рыбой богато. Да заболела у старика жена и умерла. Остались они с дочкой вдвоем.

Надумал старик жениться. Но кто в такую лесную глухомань пойдет? Согласилась одна старуха, ленивая да злая. Своих детей у нее трое было, и все к работе не приучены. Лежат целый день в грязной веже, вшей друг у друга в голове ищут.

Привел старик жену в свою вежу. С первого дня невзлюбила старуха старикову дочь. Самую грязную работу делать ее заставляла. Работает девушка целыми днями, со всем управляет. И только краше становится.

Злится старая, придумывает все новую и новую работу, чтобы дочь старика уморить. За дровами ее в лес посылает, за ягодами – там комаров и мошки много, заедят красавицу.

Все, что ни прикажет старуха, девушка выполняет. А Солнце, что весь полярный день – целых два месяца – по небу ходит, за горы не прячется, заприметило красавицу. Стало оно девушку замуж звать.

Согласилась девушка за Солнце замуж выйти.

– Вот, – говорит, – только приданого у меня никакого нет, разве что туесок с морошкой.

Улыбнулось Солнце.

– Хорошее, – говорит, – у тебя приданое – солнечные ягоды.

Только старого отца своего девушке жалко, совсем его мачеха работой замучила. Целыми днями он на охоте пропадает, чтобы старухиных детей прокормить.

– Пойду, – говорит девушка, – с отцом прощусь.

Отец радуется, что у дочери жених – Солнце.

– Не думай, – говорит, – обо мне, нам с тобой век на эту ненасытную старуху с ее детьми не переработать. Сам я виноват, что ее в дом привел. Пусть хоть тебе счастье улыбнется.

Услышала все это старуха. Решила она девушку из вежи не выпускать. Сидит девушка взаперти, а ее жених повсюду высматривает.

Разозлилось Солнце да так припекло, что мочи нет. Захотела мачеха воды испить, посылает своих детей. А им лень, не привыкли они за водой ходить. Делать нечего, выпустила она падчерицу на улицу. Лицо ей золой намазала, чтобы Солнце ее не узнало.

Нагнулась девушка над озером воды набрать, увидела свое отражение, испугалась. «Неужели это я?» – думает. Зачерпнула воды, лицо умыла и еще краше стала. Тут ее Солнце узнало и забрало с собой на небо.

Живет девушка счастливо с Солнцем. Родилась у нее дочь, еще краше, чем она сама. Подошло дочери время замуж выходить. Загрустили родители: должна их дочь свое счастье на земле найти, расстаться придется.

Собрали они ей все, что саамской девушке в приданое положено. Дали важенку, чашку морошки, каньги, платье новое. Да еще подарки будущей родне положили. Жениху и его родителям – по рубахе, братьям мужа – койбицы, рукавицы из оленьей шкуры, сестрам – повязки на голову. Да все такие красивые, солнечными лучами расшиты.

Прощается мать с дочерью и говорит ей:

– Первый, кого встретишь, тебе мужем и будет.

Спустило Солнце дочь свою на землю. Идет она по тундре, грустно на сердце. На всю жизнь с любимыми родителями расстаться пришлось.

А навстречу бедный саам попался. Ничего у него нет, живет вдвоем с матерью на краю погоста, за чужими оленями присматривает.

Увидел он девушку, спрашивает:

– Откуда ты такая красивая идешь? И почему грустишь?

– Ты мой суженый, – отвечает девушка.

Бедняк своим глазам и ушам не верит. И девушка красивая, и приданое у нее хорошее.

– Не могу, – говорит, – я на тебе жениться, нечем мне за тебя выкуп заплатить.

– А ты у моего отца, Солнца, за меня год отработать должен!

Такой закон у саамов: нет добра – работой заплатить можно.

Обрадовался бедняк. Привел девушку в свою вежу. Увидела мать саама такую невесту, на почетное место посадила. А утром ей веретено подарила, чтобы пряжу пряла, без дела не сидела.

Прядет девушка пряжу, а из пряжи той такие платки ткёт, что заморские купцы все, что ни попросишь, за них дают. Хорошо молодые живут, в любви и достатке. Да только завистников всегда хватает.

Стали в погосте шептаться, что бедняк себе жену обманом добыл. У него на выкуп денег не было, а живет с каждым днем все лучше и лучше. Собрали суйму – совет всего погоста.

– Где, – говорят, – добро украл? Нет у нас закона, по которому вор с нами вместе жить может.

Рассказал бедняк, как девушку в тундре встретил. И как в дом привел. Показал, какие платки его рукодельница ткать может.

Верит совет и не верит.

– А что же ты, – говорят, – по нашему закону у Солнца год не отработал?

Не хочется молодому мужу с женой расставаться, да совет решил: когда срок отработает, тогда и поверят ему, что правду сказал.

Собрала жена мужа в дорогу, научила:

– Пойди на то место, где меня встретил, там отца подожди.

Сделал саам все, как жена велела. Пришел, Солнца ждет.

Взошло оно, увидело зятя, удивилось. Спустилось к нему, стало про дочь расспрашивать. Рассказал зять: совет назначил ему отработать за жену год у Солнца, а то веры не будет.

Забрало Солнце саама на небо. Посадило его солнечной керёжей править. Сначала вокруг света керёжу медведь тянул, потом росомаху впрягли, затем волка – собаку лесную, а затем важенку безрогую. А как важенку выпрягать стали, опять медведь поджидал.

Солнце и говорит:

– Вот и прошел год.

А по саамскому обычаю отработавший за жену зять без подарков из дома тестя не уходит. Подарило Солнце оленей, что за

этот год в его стаде народились. Насилу саам их к своему погосту пригнал, столько их было.

– Ну как? – спрашивает у соседей. – Теперь поверите?
Все ему поверили.

Вернулся саам к дорогой жене и зажил с ней на славу. Много у них ребят было. А внуки их и по сей день среди нас живут. Ты их сразу узнаешь: глаза у них голубые, словно небо, волосы светлые, а улыбка – добрая. И больше всего на свете они солнце и мир любят.

ВОЛШЕБНЫЕ ТУЕСКИ

Жили на опушке густого леса необыкновенные лесные люди, старик со старухой. У них была большая вежа, просторная, в семь стен, покрытая сосновой корой. А поверх коры – плотный дерн, чтобы крыша не протекала. Тепло в такой веже и сухо. А чужой человек никогда ее не найдет – в двух шагах пройдет, да вежи не заметит.

У лесных стариков было три сына. Старший сын – Медведь, средний сын – Росомаха, ну а младший сын был Волком.

Подросли сынки, стали на охоту ходить.

Медведь – братец мохнатый, он всему лесу хозяин, но больше всего любит ягоды и муравьев да всякие корешки сладкие – откопает и тут же сам все съест. Пытался Медведь и комаров ловить, но толку было мало: мелкий комар пищит противно, в глаза и нос лезет. Бывало, разозлится Медведь, вывернет дерево с корнями и ну разгонять им тучи комаров! А все равно не помогало.

Жил Медведь, о других не заботясь. Поест в лесу вдоволь и к отцу-матери идет. А в дом ничего не несет, знает: у стариков всегда и еда, и питье есть, потому что владеют они особыми волшебными туесками. В старое вежное время хоть маленькое волшебство, но обязательно было...

Средний сын у стариков – Росомаха, тяжелая лапа. Его мало кто видел, умеет он прятаться. Издали не поймешь, что за зверь такой – лапы недлинные, а бегают легко и проворно, никак не догнать! Много разных небылиц про Росомаху рассказывают, а все потому, что не всякому он на глаза попадается. Звери его побаиваются, завидят – дорогу уступают. Даже братья его, Волк и Медведь, и те отходят в сторонку.

Росомаха – хороший охотник, но повадки у него свои, росомашьи: что поймает на охоте, то и съест ночью в одиночку, чтоб никто не видел.

А Волк по своей натуре – зверь заботливый; где ходит, где бродит – неведомо, а домой пустой не является. Вся его добыча идет в общий котел, всем на стол, на всю семью. Он любит, чтобы все вместе кормились. А уж как он песни поет! На десять голосов!

Каждый день рано поутру мать будила сыновей. Она поила и кормила их, в путь-дорогу собирала. У каждого сына был свой особый берестяной туесок, на нем травы и цветы нарисованы, а ободок-то по всему краю чисто белый. Волшебные туески сами закрывали себя крышечками и шли – каждый за своим хозяином-охотником след в след. Росомаха, Волк и Медведь ставили туеса рядом по краю болота, на нехоженной тропе, а сами уходили по звериному следу, кому какой положен. Каждый шел на свою горку, в лес, на озеро, в свои охотничьи места.

Вечером туеса сами возвращались домой, полные ягод. Вернуться пустыми им никак нельзя!

Жили-жили и повзрослели сыны. Были малые ребята – Медвежонок, Росомашка и Волчонок, а выросли и стали взрослые парни – настоящие женихи. А невесты где?

Соседи далеко: три-четыре озерка проплыви, две-три сопки перейди да в болоте не увязни, сумеешь топкие места обойти – радуйся. Ну а там, гляди, за лесом, по берегам озер и рек погосты стоят. Некоторые большие, в них веж двадцать или даже тридцать бывает. Там живут другие люди. Мужчины ходят на охоту, женщины неводом ловят рыбу в озерах и реках, собирают ягоды, стригут овец, прядут шерсть, выделывают оленьи шкуры, шьют из них одежду. Ведь они не мохнатые, как лесные люди, кожа у них светлая и чистая.

Братья посматривают в вежную сторону – нравятся им местные девушки. Но пойдут ли они замуж за лесной народ?

И стали братья надеяться: не заблудится ли какая-нибудь девушка на их счастье, когда пойдет собирать грибы да ягоды.

И как-то раз одна из девушек, что с подружками в лес пошла, сбилась с тропинки. Она подружкам не аукала, песню не пела, голосом на голос не отзывалась. Заблудилась! Плутала вокруг да около и вдруг завидела жилье лесных стариков. Обрадовалась девушка, побежала к веже и не заметила, как на той тропе нехоженной повалила все волшебные туески. Но невнимательной девушка была – не нагнулась, не поставила туески, яго-

ды не собрала, обратно в туески не сложила, крышечкой не закрыла.

А туески-то лежат. Каждый на бочок упал, в землю цветами уткнулся. Крышечки в сторону откатились. Лежат, не шелохнутся.

Девушка мимо прошла: мало ли в лесу туесов валяется разных, негодных? В вежу входит. Старики ее встречают веселые, радуются. «Вот и нашим сынам невеста нашлась!» – сказал старик. «Кому-то же она достанется?» – спросила бабка и стала собирать на стол. Глядь, а туески еще не вернулись, и ягод в доме нет.

Вышла старая за порог, повернулась к болоту и прокричала тонким голосом, как птичка пропела:

– Туески-туески, вернитесь домой, надо нам гостью накормить!

Туески переваливаются с боку на бок, а встать без ягод не могут. Так уж у них повелось: полные домой бегут, порожние на месте лежат.

Повернулась старуха и говорит девушке:

– Что же ты напроказила? Зачем туески опрокинула, ягоды рассыпала? Наверное, лежат они пустые на краю болота, слезы льют. Чем я сынов накормлю? А тебя чем угощать? Сама ты виновата! Теперь беги, спасайся. Сыновья придут, увидят и рассердятся!

Девушка скорее домой побежала.

Немного времени прошло, домой сыновья направились. Идут мимо болота, Медведь видит: туески-то порожние! Видно, кто-то был, раз они на боку лежат.

Вошли в вежу, а мать и рассказывает:

– Приходила из-за леса девушка, все туески опрокинула, ягоды рассыпала, собрать не собрала, так убежала. Нет, не наша это девушка, не умеет по лесу ходить, ей с нами не жить, с лесными зверями мохнатыми.

А Медведю очень хочется, чтобы невеста его не лесная, не мохнатая девка была, а чистюлечка-красотулечка. Он надумал ту девицу догнать и жениться на ней.

Только мать не согласна. Она ему выговаривает: мол, медведь он, ему по болотам бродить, по лесным чащам продираться, охотиться:

– Тебе лесное хозяйство дано – кочки да муравейники. Ты посмотри на себя: и на шкуре твоей мох, и глаза расцарапал, уши-то порвал, лапы изранил, и весь-то ты в болотной траве. Как тебе с человечесьей девушкой жить? Не такая тебе нужна невеста!

Медведь матери отвечает:

– Скорей-поскорей чистоту на шкуре моей наведи, да с пяток грязь соскобли, да подошвы обмой, не забудь подметки подбить, чтобы легкий был скок, чтоб в болоте не увязнуть. Догоню я ту девицу, будет она моей женой!

Заставил мать ему когти обрезать, заострить, просмоленные подметки подбить, и всего-то его пообчистить, и хвостик его, коротышку, пошире расправить, волосок к волоску причесать.

Мать не перечит, любит своего мохнатого сынка. Шкуру пообчистила, уши расправила, нос вытерла, рваные ноздри зашила, мех вычесала, а лапы сосновой смолой смазала – пусть на них лесные ветки да листья налипнут. Это она нарочно придумала, чтобы Медведю не догнать ту девицу.

Побежал Медведь по следам девушки. Бежит-бежит, а пятки-то к земле липнут: мох, листва, сучки, хвоя, целые кочки налипают на смолу. Только он завидит девицу, сядет ноги обчистить, а девушка уже далеко. Не смог Медведь ее догнать, не смог назвать невестой. Убежала она восвояси.

Прошло несколько дней. Как всегда братья собрались на охоту и позвали с собой туески. Пока братья за зверьем гонялись, к веже стариков вышла из леса другая девушка. Она по краю болота прошлась, ногами все туески опрокинула, а поднять не подняла.

Старуха увидела девицу, зазвала ее в дом: отдохнула бы гостя, подкормилась бы с дороги. Кличет туески, а они не приходят. Догадалась старуха, что и эта ее сыновьям в невесты не годится. Девушка домой побежала, а тут и охотники вернулись к болотцу, видят: все туески опрокинуты, значит, кто-то здесь ходил! Дошли до вежи, спрашивают у матери:

– Куда ты спрятала гостью?

Мать отвечает, что была девушка, да напроказила, туески опрокинула, а куда делась – неведомо.

Сказал Росомаха:

– Негоже, мать, и эту невесту упустить. Скорее чисти мне пятки, уж больно они мохнаты стали. Не я буду, а девицу догоню, и станет она моей женой!

Мать не хотела, чтобы Росомаха девушку догнал и женился на ней. Она стала ему перечить:

– И эта девушка необрядна, лесу боится, поклониться не хочет.

Но Росомаха стоял на своем. Мать сыну пятки начистила, усы расправила, причесала его с ног до головы, а на подошвы намазала липкой сосновой смолы.

Побежал Росомаха. Уж как он быстро бежал, чтобы невесту догнать! Бежит, бежит, а как завидит девушку, заторопится, ногами засеменит, тотчас на подошвы ему, на смолу, куча мусора налипнет. Усядется чистить лапы, а девушка тем часом уже далеко, едва виднеется. Не смог Росомаха невесту догнать, так и вернулся домой один-одинешенек.

На следующий день опять сыновья на охоту засобирались, а старик со старухой у огня остались, каждый своим делом занимается: старик сети чинит, старушка по дому управляется.

И опять из леса вышла девушка. Эта девица, проходя по краю болота, увидела: в траве стоят туески с черникой, а не полна ягоды в них насыпаны. Девушка отборной черники насобирала и насыпала до самого верху. Дошла до вежи, постучалась – надо ей путь спросить, у огня обогреться и отдохнуть.

Обрадовались старики, бабушка кликнула свои туески. А туески заспешили, идут в сторону вежи, полные ягодой черникой. Старушка девушку угостила, из дома не выгнала, сыновьями не пугала.

– Ну, – говорит, – нашему младшему сыну досталась хорошая невеста! Ты не бойся, девочка. Мы со стариком сыновьями своими не нахвалимся: старший-то сын – Медведь, средний сын – Росомаха, ну а младший сын – Волк. От него, от Волка, всем людям обида, а тебе он – оборона от всякой беды. Он тебе друг, он лесная собака.

Вечером вернулись сыновья с охоты. Увидел Волк, что туесков на берегу нет, и радостно заспешил домой – значит, невеста ему пришла настоящая и будет она хорошей хозяйкой.

Ему, Волку, лесной собаке, мать пятки не чистила, смолой подошвы не мазала. Приготовила молодым угощение, накорми-

ла и напоила на славу. А по закону младший сын в лесной веже с родителями остаться должен, стариковскую жизнь холить.

Так и остались жить старик со старухой да Волк с молодою женой по-прежнему в своем лесу. А Медведь с Росомахой ушли свое счастье искать в лесной чащобе.

КАК ЛИС МЕДВЕДЯ ОБМАНУЛ

Давным-давно, еще в вежные времена, люди и звери жили рядом как добрые соседи.

В одном густом лесу на берегу большого озера в своих вежах проживали саам, волк, медведь и лис. В наших местах лис водилось великое множество, и все разные – и черные, и белые, и рыжие. А из особенно крупных – черно-бурые сиводушки.

У каждого из зверей был свой характер. Особым проказником в этой чаще был рыжий лис по имени Римне – юркий, хитрый и не очень-то честный, так и норовил стянуть лакомый кусочек у своих соседей. А больше всего он досаждал медведю. Пока медведь повернется, лис юрк в какую-нибудь расселину и был таков...

Подошло время медведю жениться. Стал он ходить на охоту и делать запасы, чтобы устроить большой пир и накормить гостей. Хитрый лис обрадовался – можно самому не охотиться, не мышковать, не бегать за зайцами, а вполне достойно питаться за счет медвежьих припасов.

Но внимательный медведь обнаружил у своих амбаров следы рыжего соседа...

Принес он как-то жирного олешка, а сам за него спрятался и стал ждать, когда же лис явится. Медведь хоть и большой, но бегают быстро, и скок у него длинный.

На запах свежатишки лис быстро пришел и всякую осторожность потерял. «Немного откушу, – подумал он, – медведь и не заметит...»

Но не тут-то было. Только лис начал обедать, увлекся, медведь вытянул свою большую мохнатую лапу и придавил лиса к земле. Схватил его зубами поперек и держит крепко. Лис извивается:

– Не губи меня, соседка, отпусти!

А медведь разозлился, трясет головой, мотает лиса из стороны в сторону. Лис думает: как бы спастись? Стал он медведя

нахвалять и рассказывать ему, какой он, лис, хороший и может медведя нарядить в праздничный жениховский костюм. А медведь ничего не слушает и несет Римне к себе в берлогу на расправу. Эх, глупый, глупый медведь! Он думал, раз шкура в когтях, то и мясо в зубах. Да не так-то оно получилось.

Несет медведь проказника по лесу, крепко держит в пасти, шевельнуться не дает. «Не уйдешь теперь», — думает медведь и урчит сердито. Римне в пасти медведя замер, как зайчонок. Но не очень-то боится, будто это не его, а кого-то другого сейчас прикончат.

Едет лис в зубах медведя по лесу, а сам посматривает по сторонам, примечает, где что делается. Вон дятел на сосне сидит и клювом долбит ствол: тук-тук, тук-тук, тук-тук!

Римне покликал дятла:

— Эй, дятел, дятел, друг сердечный, а помнишь ли, дружок, птичка красно перышко, как я тебе красивые узоры на спине расписал? Ничего, что было больно, ничего, что было горячо. Зато посмотрите, звери, посмотрите, птицы, как у дятла спинка хороша! Настоящий жених! Ах, дятел, дятел, хорошее то было время, когда я тебе узорами спину расписывал. Ты был счастливый жених, а я тебе был верный дружок!..

Дятел знай себе дерево долбит. На сук перебрался, вниз поглядывает, а сам знай свое дело, стучит — тук-тук — будто он и правда лису отвечает.

Медведю страсть любопытно знать, как это лис дятлу спину расписывал. Хочется ему быть женихом при самых лучших узорах.

— Ты что там болтаешь? — спрашивает он у лиса.

— А ты неси, знай, неси туда, где будешь закусывать. Нечего тебе свой нос совать куда не следует. Я с дятлом разговариваю, не с тобой.

Однако медведь не унимается.

— Говори, — рычит, — что ты ему сказал?

— Что сказал ему, то тебе не скажу! — ответил лис и опять лежит себе в медвежьей пасти не шевелясь.

Медведю не терпится, охота ему знать, какие такие дела у лиса с дятлом бывают. Положил он Римне на землю, лапой придал и стал допытываться:

— Ты о чем с дятлом говорил? Сказывай, не утаивай!

– Экой ты, право, медведь! Ну, я ему спинку узорами расписал. Очень красивая у него спинка, сам видишь, он теперь жених.

– Дак, – говорит медведь, – распиши-ка ты и мне спину. Ведь и я жениться хочу. Распиши, Римне, а я тебе все прощу.

Того-то лису и надо!

– Ну, если так, – согласился хитрый лис, – я берусь твою спину расписать узорами и даже цветными травами. Будет красиво. Но для начала поди-ка наруби дров, да побольше. А еще накрути мне витых жгутов из ивовых прутьев.

Медведь послушался, отпустил Римне, дров наготовил целую кучу, жгутов накрутил довольно. Однако старому лису этого мало. Он командует медведю:

– Дрова туда, жгуты сюда, дрова вокруг этого дерева разложи. Теперь сам приготовься. Становись под дерево – раз. Жгутами к дереву привяжись – два. Да не так: к сосне передом, ко мне задом. Крепко вяжись, как саамский жених припоясывайся: туго-натуго.

Исполнил медведь все, как приказывал ему Римне: крепко привязался к стволу, спиной к лису, передом к сосне.

– Неладно ты вяжешься, медведь, слабо. Дай-ка я помогу!

И так прикрутил медведя к дереву, что тот ни вздохнуть не может, ни головой, ни единой лапой двинуть.

– Вот теперь хорошо! – говорит лис, а сам посмеивается в усы. – Так, а посмотри-ка, жених, в лес. Какие узоры там видишь? Те узоры я тебе на спину кладу.

И Римне развел огонь, горящими головешками начал водить по спине медведя, а сам все ближе и ближе придвигал костер. Дрова приближает, а сам ходит, приговаривает:

– Лепитесь на спину медведю узоры травами и цветами, ложитесь крепко на спину жениху! Мешайтесь, мешайтесь узоры красивые, одни краше других.

Медведю стало жарко, медведю стало очень горячо. Он кричит лису:

– Горячо! Что-то уж очень горячо, чересчур уж горячо!

Ну а Римне ему в ответ:

– Стыдись, дружок, ведь ты жених! Ты во много раз больше дятла, а силы у тебя не хватает терпеть жар от этого маленького костерка. Зато узоры хороши! Ах, узоры хороши!

А огонь разгорается, большой костер за спиной у медведя пылает.

Медведю смертная охота быть красавчиком, и он терпит, лишь бы узоры были хороши. А хитрый лис улыбается да жару прибавляет, приговаривает:

– Дятел, дятел, птичка красноперая, ты в узорах с головы до хвостика, Расскажи медведю, сколь прекрасными цветами и травами я украшаю его спину.

У дятла свои заботы: он с утра до вечера с сучка на сучок попрыгивает, вокруг ствола вертится, клювом в дерево тук да тук да всяких жучков из ствола вынимает. Вниз на лиса и медведя поглядывает. Медведь жалобно стонет, рычит, и звуки эти по всему лесу разносятся. Услышали их охотники и пошли посмотреть, что там такое. Но хитрый лис их давно учуял, не стал время терять, шмыгнул в кусты – и след простыл.

А бедный глупый медведь угодил в руки охотников.

ЛИС И ВОЛК

Стояли вежи лиса и волка на одной опушке. Жили они по-соседски очень дружно. Когда волк за лисьим хозяйством при-
смотрит, когда лис – за волчьим.

Однажды пошел волк на охоту и говорит лису:

– Пойди в мою вежу и пожарь пойду, я скоро вернусь – охота будет недолгой, олени совсем рядом бродят, вместе и пообедаем.

Только он ушел, заспешил лис в его вежу, достал огромный кусок пойды и стал нанизывать ее на вертел. Да от жадности слишком много пойды нанизал. Все ему казалось, что волку больше достанется, а бедному лису не хватит. Натянул сало на вертел и стал жарить у камелька. Сало шкварчит, румянится. Лис спешит, пойду переворачивает, а жир так на угли и капает... Много накапало, огонь и вспыхнул.

Лис испугался, вертел отбросил. Куски пойды ударились о камни камелька, горячий жир брызнул в разные стороны и попал прямо лису в глаза. Заплакал лис – ничего не видит и пойду испортил.

В это время вернулся серый сосед, смотрит – жир везде разбрызган, вертел с пойдой на полу валяется, а в уголке лис потягивает и повизгивает горьким плачем, приговаривает:

– Глазки мои горячим жиром заплыли, ничего не видят!..

Пожалел волк соседа и говорит:

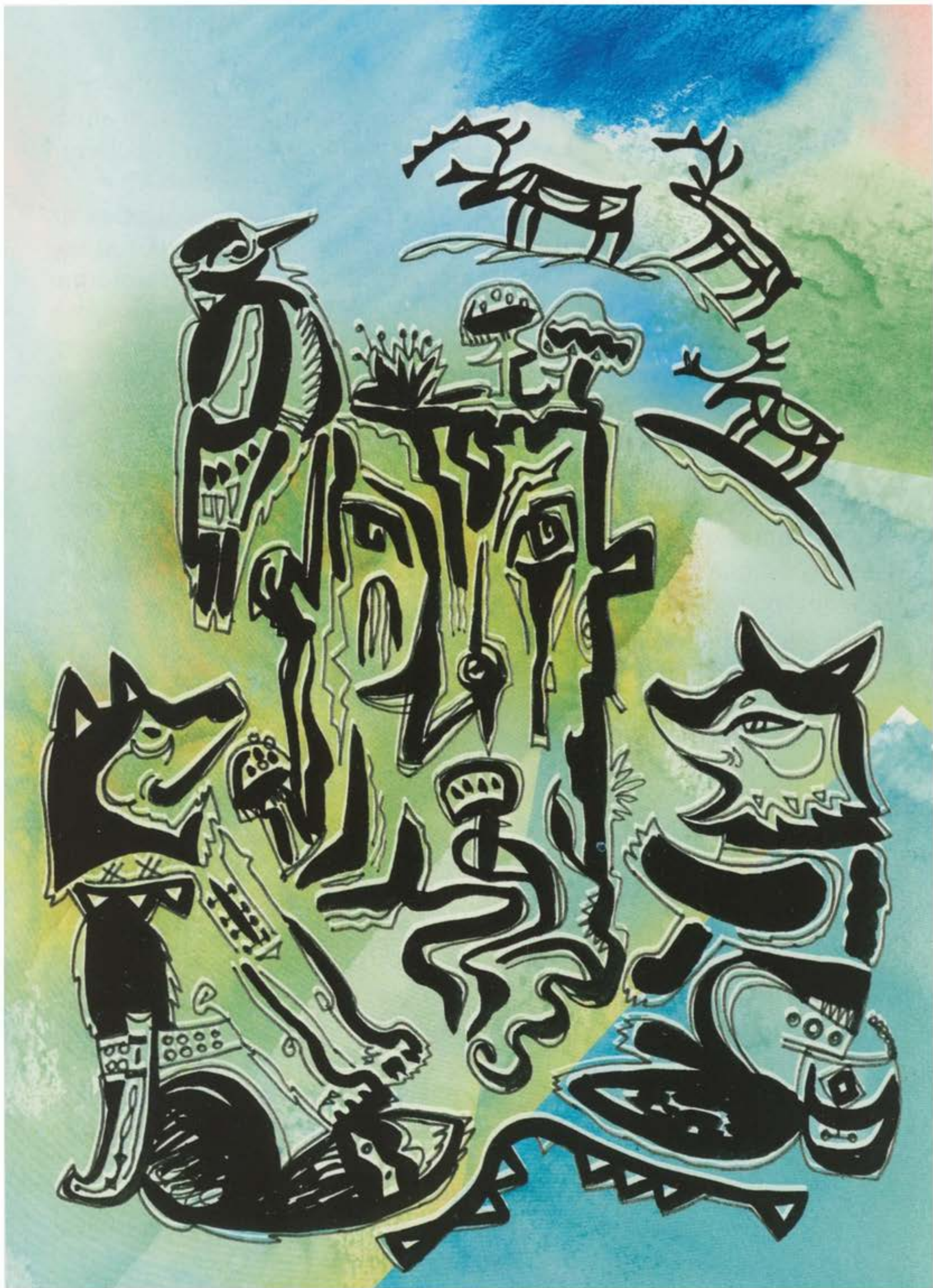
– Пойдем у леса попросим помощи в твоей беде.

Подошли они к старому огромному пню, заросшему мхом. Ему, наверное, лет пятьсот было. И говорят:

– Такая у нас, дедушка, беда случилась. Жарил лис пойду, жир брызнул и повредил ему глаза. Подскажи, дедушка, как нам дальше быть?

Вздыхнул тяжело пень и отправил их в лесную чащу:

– Идите и просите у лесных деревьев, чтобы они дали вам свой сок, который поможет глазки спасти.

Повел волк лиса в еловую чащу. Стоят на взгорке многовековые ели, высокие, как свечи, а нижние ветки в землю вросли.

— Ель-матушка, хозяйка тайги, помоги нам лису глаза вылечить!

Ель говорит, что сок у нее густой, никак в беде не поможет.

Ведет волк лиса дальше, в сосновую рощу. Сок у сосны уже застыл смоляными желтыми каплями. Не помогут они лису, от такой смолы глаза слипнутся.

А по краю рощи стоят красивые белоствольные березы. Сок у березы прозрачный, чистый. Дала береза лису свой сок, промыл он глаза, и стали они видеть еще лучше, чем раньше.

Поблагодарили волк и лис березу и пошли на свою опушку. Пришли домой и стали дальше жить дружно, как и полагается добрым соседям.

ЛИС РИМНЕ И ЧЕЛОВЕК

Заскучал однажды зимой лис в своей веже. Охотиться трудно, медведя рядом нет – он в берлоге спит, волчище далеко на промысел ушел... «Пойду, – думает, – к саамской веже, наверняка там будет чем поживиться!»

Пришел, смотрит, а в веже никого нет и поживиться нечем, одни только кости валяются, да и те хорошо обглоданы.

Ладно, кости так кости. Собрал лис все в кучу, сложил в мешок и пошел по следу саама посмотреть, где тот промышляет.

Тут навстречу ему саам едет на оленях. Целым поездом, на трех керёжах. В керёжах – мясо.

Увидел саам лиса и говорит:

– Здорово, Римне! Далеко ли держишь путь?

– А иду, – отвечает лис, – деньги медведю несус. Долги надо отдавать?

– Надо, надо, Римне, – отвечает саам. – А велик ли долг-то? Много ли денег несешь?

Потряс лис мешком – кости брякают. Саам думает: «Много денег, наверное, в том мешке». Позарился и решил перехитрить лиса. Подумал: «Я отдам ему одну жирную тушку оленя, а в обмен возьму кучу денег». И говорит лису:

– Римне, вот тебе для медведя жирная тушка оленя, а мешочек этот отдай мне.

Лис согласился, поменял объедки на жирное мясо. Саам уехал, а лис отрезал от тушки кусок хорошего сала и отправился домой, в свою нору. Остальную тушу прикопал про запас.

Домой пришел, постель из оленьего меха взбил, мягкого мха под бока подоткнул, усы хвостом расправил и лег отдохнуть.

Выспался лис и задумался, как ему дальше жить. Лежит он сытый, довольный – самое время поразмышлять о лисьей жизни.

Стал он сначала свои глазки спрашивать, зачем они ему нужны.

– Что, глазки, скажете? Какой прок от вас?

– Мы маленькие, мы узенькие, мы видим далеко и хорошо, охотиться тебе помогаем!

– Ладно, оставайтесь мне служить. Ну а ты, нос, зачем мне нужен, какой прок от тебя?

– А я чую, чем ветер пахнет.

– Это дело. Оставайся мне служить. А вы, ушки? Чем мне служите?

– Мы тебе, лис, все слышим, даже как мышки под снегом бегают!

– Значит, нужны вы мне...

«Замечательные у меня помощники», – решил Римне. Смотрит он на свои лапы и думает: а эти чем мне помогают? Спрашивает:

– Ну а вы, лапки, чем мне служите?

– А мы, лис, быстро бегаем – и за добычей, и от твоих врагов!

– Что же вы меня от медведя не спасли?

– Мы не виноваты, бежали без оглядки, а куда бежали – не ведали.

– Ладно, так и быть, оставайтесь. Ну а ты, хвостище-длинноволосище! От тебя каков же толк? Ну-ка, отвечай!

– А я буду тебя держать, тебе ходу не давать, следы замечать, вокруг деревьев буду путаться, чтобы ты подумал и не лез куда не надо.

Рассердили Римне такие слова хвоста: «Эге, да ты меня учить вздумал! Ладно же, довольно путаться между ног! Я тебе покажу, где шкурки зимуют».

Взял и хвост наружу выставил – пусть мороз его откусит.

Тем часом саам едет мимо дома Римне и видит: лисий хвост торчит. Подошел и дернул: а там весь лис целиком.

Лис замер. «Ну, – думает, – опять беда, попался». На всякий случай притворился мертвым.

«Вот, лис, обманул ты меня, а сам замерз. Это тебе в наказание!» – подумал саам, взял Римне и бросил на переднюю керёжу: «Доеду домой, сниму с него шкуру, шапку сошью!».

Плюхнулся лис на эту керёжу, а там оленьи шкуры да мешки пустые. Нечем лису поживиться. Дрыгнул ножкой и свалился.

Сааму стало жалко лисью шкурку, подобрал и бросил на вторую керёжку. И тут лису не понравилось – оказалось, неровно лежать и запах не тот. Он лапкой дрыг и свалился.

Поднял его саам и бросил на последнюю керёжку. Понравилось лису на последней керёже: тут рыбой пахнет, лежать мягко. Вцепился в керёжку когтями.

Связка тронулась. Римне поверх керёжи уселся, будто он хозяин этого добра, словно сам нанял человека рыбу перевозить.

Саам впереди едет, передовой олень тихонько шагает, за собой еще двух оленей тянет, запряженных во вторую и третью керёжки.

Ехали-ехали, вдруг хитрый лис весь напрягся да как подпрыгнет на своих лапах на целую сажень, да как заверещит лисьим лаем! Олень испугался, дернул и оборвал вязку, которая соединяла его с другими керёжами. А Римне только этого и надо – кричит, крутит хвостом во всю мочь. Олень испугался и бегом в лес. Керёжа застряла между елок, олень рванул что было сил, оторвал хигну, которой был к ней привязан, и умчался куда глаза глядят.

Остался лис со своей добычей один на один. Сидит-посиживает, сушеной рыбкой закусывает, а сам думает: «Ну, теперь у меня корму много – хватит на всю зиму».

Обжился он около керёжи с рыбой. Рыбу засыпал снегом, под керёжей нору выкопал.

Ожирел лис. Никуда не ходит: пища под боком, из снега воду топит. Живет себе припеваючи. Совсем разленился Римне и заскучал. Как ему жить без проказ?

Пошел он в лес поискать, с кем бы можно попроказничать. Глядь, стоит что-то непонятное, из досок сделанное. И так вкусно пахнет от него! От своей лени лис всякую осторожность потерял, и рыба ему уже надоела, потянулся он за жареной печенкой. А лисьи глазки да носик не велят ему за печенкой лезть. Хвост уговаривает: «Попадешь в капкан!». Но Римне никого не слушает, схватил печенку, а капкан раз – и захлопнулся!

Лежит в капкане Римне и думает: «Какой я был глупый, почему не слушал своих помощников?».

...Вечером саам объезжал свои капканы. Пришел взглянуть и на старый, деревянный. Смотрит, а там его недруг, Римне. Взял он его за хвост и за задние лапки, поднял повыше и говорит:

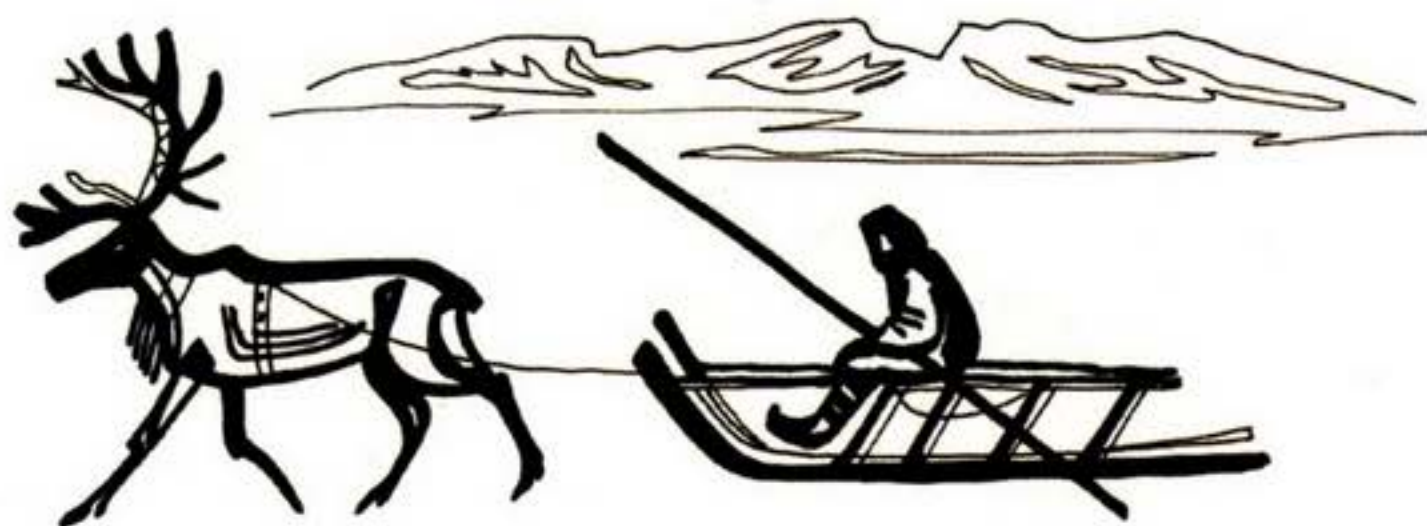

– Попался, старый плут, проказник, хитрый Римне. Теперь-то не сносить тебе головы! Сниму я твою рыжую шкуру и продам за настоящие деньги. Держись!

Тут-то Римне взмолился:

– Отпусти меня, саамушка, в лес погулять, я тебе стайку диких оленей пригоню.

Саам соседу не поверил, слишком часто он всех обманывал. А если вы сейчас посмотрите на зимние саамские шапки, то увидите, что подбиты они рыжим лисьим мехом, согревают саамов в холодные зимы. Так лисы отрабатывают все свои проказы и хитрости.

ПРО ДИКИХ ОЛЕНЕЙ

В стародавние времена жила красивая девка-нойда, известная в Пазрецком погосте как колдунья. Она могла превращаться в любого зверя или птицу, которые водились в округе. Но больше всего ей нравилось быть важенкой дикого оленя. Нравилось ей бежать навстречу ветру по необъятным просторам тундры. Вместе с оленями выходила она к соленому морю или поднималась в высокие горы.

Мало ли, много ли прошло времени, но почувствовала она, что у нее должен родиться ребенок. Вдруг ребенок будет человеческий? Тогда в тундре ему плохо придется. А если олененок, тогда и рядом с человеком выживет, подумала она и решила вернуться в родной погост.

Подошло время, и родился у нее парнишка. Рос он быстрее, чем человеческие дети. В три года стал настоящим помощником. Мать на него нарадоваться не может: помогал он ей дрова заготавливать, дичь в лесу промыслить.

Однажды в ближайшие кегоры пришли пастись дикие олени. Заволновалась мать – нет ли среди них того самого гирваса, отца ее ребенка? И парнишка стал беспокоиться, все время в сторону кегор смотрит, так и тянет его туда подняться и глянуть, как олени в этом стаде пасутся.

Заметила это мать, пыталась удержать его около себя, но видит: проявляются в нем оленьи черты – на голове рожки растут, ножки превращаются в копытца, а ноздри раздуваются, словно вдыхают вольный воздух леса и тундры.

В это время стадо диких оленей собралось уходить прочь, подальше от людей. Парнишка спрашивает:

– Мама, скажи, здесь мой отец?

Не хотелось матери говорить правду, но сыночек настаивал. И поняла мать, что пришло время отпустить его на волю:

– Прекрасный гирвас и есть твой отец!

Мальчик-олень бросился за стадом. Поняла мать, что

остается одна, закричала, запричитала, а сын обернулся к ней и сказал:

– Любимая мама! У тебя на коленях было мне хорошо, но оленья жизнь зовет меня. Радостно мне, мама, бежать вместе со стадом. Рога стучат, хрустят копытца на бегу – это зов вольной жизни, зов моих предков.

Заплакала горько нойда-колдунья, как обыкновенная женщина. Причитает вслед сыну:

– Дитя родимое, от меня ты ушел, но от стрелы охотника тебе не уйти! Он везде будет тебя поджидать – прятаться за большим валуном, за толстой старой сосной, в густом ельнике. Стал оленем, и не будет тебе пощады от человека. Если уж попадешь на настоящего охотника, не перехитрить тебе его. Тогда выходи и подставь свое сердце.

Сказала это она и отпустила сына.

С тех пор люди стали дикарей имать, а до того не знали такой охоты. Шли годы, и появилось в тундре много людей и много охотников. Луки и копья ушли в прошлое – начал человек охотиться пищалями. Ушла тишина из тундры, пришли гром и суета. Страшно стало оленям жить, ведь охотник с ружьем забыл все наставления тех времен, когда человек и зверь жили вместе.

В вежные времена охотники никогда не убивали передового оленя. Старые заповеди говорили: нельзя бить более одной важенки на прокорм семьи. Нельзя убивать самого красивого гирваса, чтобы каждое стадо оставалось сильным и в нем было много важенок и оленят. Забыл все это человек, стал он бить оленей много: тундра опустела, дикарь-олень почти исчез. Человек по тундре не только на оленях ездит, появились у него железные помощники. Обеднели леса и тундры. И что будет завтра, никто не ведает...

ПОЧЕМУ ОЛЕНИ ЖИВУТ ОТДЕЛЬНО ОТ ЛЮДЕЙ

Живет в старинном саамском селе бабушка. На лето внуки к ней приезжают. За день набегаются, а вечером просят:

– Бабушка, расскажи нам, как раньше было.

– Ну, слушайте, – улыбается бабушка. – Жили мы в маленьких погостах, так раньше наши деревни назывались. Всего несколько семей в таком погосте. Домики были маленькие, бревенчатые – тупы. В одном углу деревянные нары с оленьими шкурами, в другом – камелек, немного на камин похожий. На нем пищу готовили. Много тепла такой камелек не давал, а комнатка малюсенькая была. Верхнюю одежду в холодных сенях оставляли, она вся из оленьего меха шита была, в холоде лучше сохранялась.

Расскажу я вам старую сказку, а может, и вправду так было.

На реке Поное, недалеко от погоста Чальмны-Варрэ, когда сходит большая вода, открываются дивные камни. Я совсем маленькой девочкой была, когда мы в том погосте жили, а рисунки на тех камнях хорошо помню, любила их разглядывать. Там олени быстроногие, саамские красавицы с оленятами, нойды-колдуны.

Так вот, жила в лесной стороне семья саамская. А саамы раньше везде жили: кто в лесной стороне, кто в морской, а кто в горной. А это была семья лесных саамов. Муж и жена да три дочери-красавицы. Развела однажды утром старушка огонь в камельке, только котел подвесила, вдруг слышит за стеной тупы Ворон крыльями хлопает.

Стала жена мужа будить:

– Вставай! Гость пришел.

Тут в вежу Ворон вошел. Как порог переступил, в человека превратился. Красивый – глаза черные, волосы черные. Муж с женой гостя угощают, беседу ведут. А гость просит младшую дочь в жены ему отдать. Мать согласна – жених ладный. А отец порядка держится: старшая дочь первой замуж идти должна.

Взял Ворон старшую дочь в жены.

Немного времени прошло, встала как-то утром хозяйка, только успела в котел воды налить, сало положить, в окно глянула, а там Тюлень стоит, лапами в дверь хлопает.

Будит она муженька:

– Ой, опять к нам гость пришел!

Тюлень, как через порог перевалил, в толстого человека превратился. Посадили его на почетное место. Поели, попили, и Тюлень свататься стал, младшую дочь просит в жены отдать. Тюлень толстый, на вид добрый, мать и согласна. А отец своего порядка держится: пора среднюю дочь замуж отдавать.

Отдали и остались вдвоем жить. Жили-жили, опять хозяйка рано утром огонь в камельке оживила, котел повесила, похлебку наладила, вышла на солнышко глянуть. А у тупы дикий олень стоит, красавец! Мяндаш ему имя. Она к мужу:

– Вставай! Гость пришел, да какой!

Как вошел в тупу дикий олень, в человека превратился. Да такого умного, да такого красивого, да такого доброго! Хозяева гостя на почетное место посадили, угощают, беседу ведут. Мяндаш младшую дочь сватает. Родители согласны. Отдали любимую дочь Мяндашу-олению в жены.

Стали они вдвоем жить. Жили они, жили и заскучали по дочерям. Жена просит мужа:

– Пойди проведай дочек, как они там в чужой стороне?

Пошел саам к старшей дочери, к вороновой жене, в горную сторону. А в наших горах леса мало – тундра там. Смотрит он, на горе у сухой сосны вежа стоит, а кругом камни да ветер гуляет. Вокруг вежи ребятишки бегают, крылышки у них как у воронов. Догадался отец, что это внуки его. Позвал дочь. Вышла она из вороновой вежи, отцу рада. Скоро Ворон-зять прилетел.

Стал он гостя угощать, да невкусной старику воронова еда показалась. И в веже ветер в щели дует. Спать отца на твердые ветки положили. Воронята деда пожалели, видят, что ему холодно, сели на него, только тем до утра и согревался.

Не понравилось ему у Ворона. Пошел он дальше, в морскую сторону, среднюю дочь навестить. Шел, шел, до моря дошел. У самой воды вежа стоит, из китовых костей да плавника сложена. А с крыши дети катаются, лапами друг друга хлопают. Догадался – это внуки его, тюленята.

Стал дочь звать. Выбежала она из вежи, встретила ласково. Пришел и Тюлень-зять. Стал угощать саама вяленой рыбой да жиром зверя морского. А как спать гость собрался, ему в угол морской травы бросили да тюленьей шкурой укрыться дали. Жестко было спать, да и от шкуры тепла мало.

Не понравилось отцу тюленье житье, пошел дальше, искать, где Мяндаш, дикий олень, живет. Поднялся на горушку, смотрит, у края неба леса синеют. Пошел он в ту сторону.

Дошел до леса, а там земля вся ягелем, как белым ковром, укрыта. Речка по камням бежит, по порогам шумит. Вода в ней чистая, вкусная. А на берегу большая вежа стоит, мхом да оленьими шкурами укрытая. Вокруг нее детки бегают, а на головах у них рожки оленьи. Догадался саам, что оленьята те – внуки его.

Тут и младшая дочь из вежи вышла. Отец на нее смотрит, налюбоваться не может. Платье на ней синее, красным узором да серебром расшито. Оленьята подбежали: «Дедушка пришел, – кричат, – дедушка пришел!».

Повела дочь отца в вежу, усадила на почетное место, на теплые оленьи шкуры. Тут и Олень-зять пришел. На вольном воздухе он олень, а как в дом вошел, человеком стал. Саам и Мяндаш друг другу руки на плечи положили – поздоровались. Ста-ла дочь отца угощать мясом свежим да салом, тонко нарезанным. А время спать пришло – его на оленью постель положили, оленьей шкурой укрыться дали.

Наутро спрашивает Олень-зять, как понравилось гостю в оленьей веже. А тот ему отвечает:

– Сыт я был, на мягкой постели спал, теплой шкурой укрывался.

Нравится отцу у младшей дочери. Остался погостить. Пожил, пожил и заскучал по своему дому. Мяндашу жалко стало саама, он ему и говорит:

– Пойди, жену приведи, вежа большая, всем места хватит.

Пошел саам в свою сторону. «Вот, – думает, – заживем теперь хорошо, будет кому за нами на старости доглядеть».

Добрался до своего жилья – жена рада. Стал он ей про дочерей рассказывать. Как у старшей в вороновой веже на твердых ветках спал, как у средней – на морской траве да как у младшей дочери больше всего ему понравилось.

– Мяндаш звал нас к себе жить!

Жена тут же и собираться стала к младшей дочери. Пришли, живут вместе. Дочь все про мужа рассказывает:

– Олень – он без запаса живет. В тундре для него и зимой, и летом еда есть. Любит муж мой, Мяндаш, чтобы и в веже ветер вольный был, как в тундре. Как от шкур кислый запах пойдет, надо их сразу в речку выбрасывать.

Мать слушает и про себя думает: «В моей стороне с запасом жили, добро не выбрасывали».

Жили они себе, жили. Олень днем в тундру бегал. Жена его рыбу на озерах промысляла, в лес за грибами и ягодами ходила. Бабушка с дедушкой дома за малыми ребятишками присматривали. Только саамской хозяйке законы олени совсем не по нраву. Стала она потихоньку от всех кислые шкуры на солнышке сушить и в веже прятать. Не стало в веже чистого воздуха.

Мяндаш-олень беспокоиться стал. Спрашивает он у своей жены, соблюдает ли она законы, по которым оленю в тундре жить надо? Не знает она, что ему и ответить. Она законов не нарушает, а муж ее, дикий олень, в веже своей дышать не может.

Как-то раз ушли они на промыслы, а прижимистая саамская хозяйка шкуры кислые прямо на дверь вежи вывесила. Сама спать легла.

Вернулся Олень – в вежу войти не может. Головой трясет, ноздри раздувает, а порога ему никак не переступить и человеком не стать – мешает ему кислый запах.

– Не жить оленю с людьми! Уйду я навсегда в леса, в тундру!

Только сказал Мяндаш эти слова, и дети его в оленей превратились. Мяндаш прочь от вежи побежал, и дети за ним. Даже самый маленький, что в люльке лежал, вскочил на ножки и тоже следом за братьями и сестрами.

– Дети мои милые, муж мой любимый, не покидайте меня! – кричит жена Мяндаша.

Отвечают ей дети:

– Не можем мы к тебе вернуться. Дикие мы олени, наш дом, радость наша – вольный простор!

С той поры человек и олень врозь живут. А на том камне, что на Поное, такой рисунок есть: бежит Мяндаш-олень, за ним стадо оленей, женщина маленького олененка держит, а он вырывается, вот-вот за братьями своими кинется.

НАЙНАС И СААМСКАЯ ДЕВУШКА

Ждут ребята вечера, знают: бабушка сказку им будет рассказывать. Начинают сами ее расспрашивать:

– Бабушка, на тех камнях, которые на реке Поное, много рисунков?

– Много-много, на целую зиму про них сказок хватит! – отвечает бабушка.

Художники раньше рисунки на камне выбивали, а потом, чтоб их лучше видно было, охрой красили, а охру находили в тех местах, где теперь руду железную добывают. Оранжевые фигурки хорошо на сером камне видно! А вокруг камней – трава зеленая, а один камень так почти всегда в воде. В хорошую погоду небо голубое в реке отражается и будто олени по небу бегут. Про такую красоту люди сказки и складывали.

А на одном камне есть фигура женщины, на лягушку похожая. И в саамских сказках есть женщина-паук или женщина-лягушка, Аццы. В одной сказке так про нее рассказывается.

Жили старик со старухой да дочь. Семья дружная, каждый своим делом занимался. Старик на охоту ходил, оленей промыслял. Старуха рыбу ловила, шерсть овечью трепала, а дочка, хоть и маленькая была, плела красивые пояса к рубашам.

Как-то раз понадобилась старику береста, надо было новые короба сделать. Собрался он в лес идти, а старуха ему говорит:

– Не ходи драть бересту на Руэйн-вараку.

Варака – это горушка такая, на которой густой лес растет.

Идет старик и думает: «Что это старушка меня на такую хорошую горушку не пускает? Там березы толстые, береста гладкая». Забыл старик, что на Руэйн-вараке всякая лесная нечисть живет. «Все равно, – думает, – пойду туда».

Драл старик бересту, драл, как вдруг ему на шею Аццы прыгнула. Испугался старик, а она ему:

– Возьми меня, старик, в жены!

– Есть у меня старушка, – старик ей отвечает. Но от Аццы

не так-то просто избавиться. Вцепилась она в старика своими паучьими лапками. «Ладно, – думает старик, – возьму ее с собой, а там придумаю, как от нее избавиться».

Только зря надеялся. Как только он эту нечисть домой принес, она тут же своих сыновей на подмогу позвала. Сыновей у нее трое, да сама Аццы – не справиться старику. Аццы старикову жену с дочкой в овечий загон жить выгнала, заставила за своих сыновей-бездельников работать.

Аццыны дети – один хуже другого. Старший – Кипчульдыш – Обгорелый Пенек, средний – Иохтсеплоззиш – Лоскутный Воротничок, а младший – Куацкемчалмныш, то есть Орлиный Глаз: у него на затылке третий глаз был.

Пока старушка рядом, не чувствовала Аццы себя полноправной хозяйкой. Задумала она ее со свету сжить. Каждый день старалась как-нибудь очернить. Волк оленя задерет – старушка недосмотрела. Девочка по воду пойдет – Аццы ей обору потихоньку разматывает и сама же на нее наступит (оборами раньше ноги обматывали вместо шнурков). Девочка упадет, ушибется, воду прольет, а злодейка старику говорит:

– Зачем такая мать твоей дочке? Оборы ребенку и то как следует обмотать ленится. Работает плохо, за что ее кормить?

Старушка поняла, что Аццы ее погубить задумала. А старик совсем трусливый стал, даже не пытается ее защитить. Думает бедная мать, как дочка с отцом одна останется? Говорит она дочери:

– Когда меня не станет, походи к речке Белой. Там стоит камень большой, на человека похожий. Это сейдушко, он добрый, всех несчастных защищает. Он мне улов большой давал. И тебе поможет.

Отправила как-то Аццы старушкину дочку за морошкой. Вернулась девочка поздно вечером, смотрит, нет матери.

Только недолго Аццы спокойно жила. Старушкина дочка такой красивой девушкой стала – глаз не отвести, да к тому же работающая, добрая. Злодейка-мачеха ей с утра столько работы надает, что и за год не управиться! А девушка все успевает сделать – это ей сейдушко помогает – и еще краше становится. Завидует ей Аццы. Дети у нее уродливые, и сама она на копченую головешку похожа.

Задумала она и девушку сжить со свету. Догадалась мачеха,

что кто-то эту девушку от злодейств оберегает. Стала сыновей заставлять за ней следить, да больно они ленивы. А девушка им в плоски побольше рыбы положит, поедят они и спят себе, проснуться не могут. Аццы у них вечером спрашивает:

– Что девушка целый день делала?

А они в один голос:

– Ничего не видели, ничего не слышали. Ели мы досыта, спали мы досыта.

Тогда Аццы младшему сыну, Орлиному Глазу, говорит:

– Ты лицом к стене спать ложись, тогда твой третий глазок все увидит. Он у тебя никогда не спит.

На следующий день Аццы опять наказывает сыновьям за девушкой смотреть. А она, как всегда, рыбы в плоски побольше положила, они поели, попили, спать повалились. Только Орлиный Глаз лег к стене лицом, как мать учила.

Смотрит девушка: уснули братья. Побежала она к речке Белой, к камню, в котором сейдушко жил. Стала она там с лучами Солнца играть, золотое вязанье из его лучей вязать, морошку есть, а из речки по морошковым кустикам для нее чистый ручей побежал. Попила девушка из этого ручья и еще краше стала.

Солнце ее увидело, налюбоваться не может. Так на небе и осталось, забыло ночи место уступить. Просит девушку быть его женой. Девушка согласна. А Солнце тут вспомнило, что надо и ночи быть! Да на запад подалось.

Все это Орлиный Глаз и видел. Смотрит на девушку, посмеивается:

– Все мое, – говорит, – будет все мое! И солнце, и ручей, и ягоды.

Рассказал Куацкемчалмныш матери о том, что видел. Награды ждет. Но только Аццы сама девушку бояться стала: и сейдушко ей помогает, и Солнцу она невеста.

Велела она старику замотать дочь в рогожу и в керёжу положить да в речку столкнуть. Аццы думала, что вода в керёжу быстро наберется и девушка утонет. Жалко старику свою дочь, да совсем безвольным он стал. Во всем Аццы слушает. Сделал все, как она приказала.

Вода в реке холодная, а девушке тепло. Это ей все сейдушко помогает. Плывет себе керёжа по реке. День плывет, другой, третий... Девушка уж и счет дням потеряла.

Вот однажды ночь наступила. На небе сполохи заиграли – полярные сияния. В старину сполохов этих побаивались, думали, могут человека за волосы на небо утащить. Древние саамы считали, что сполохи – это люди, которые раньше на земле жили, а потом на небо переселились.

Вдруг один лучик сполоха стал длинный, до самой керёжи опустился. Поднялась девушка по нему наверх. Идет по небу, смотрит: большая тупа стоит. Вошла в нее – никого нет. Прибралась девушка в тупе, а как ночь на убыль пошла, услышала, кто-то идет. Обернулась она веретеном и быстро за камелек спряталась. Вошли люди – это они ночью сполохами были, и с ними Найнас-Месяц.

– Кто-то в тупе прибрал, – говорит Найнас. – Если ты мужчина, будь нам братом. Если старушка, будь матерью. Если девушка, выбери среди нас себе мужа.

Никто не вышел. Стали они человека искать. За камельком веретено нашли, сломали его, и вышла из веретена девушка.

Понравилась она Найнасу.

– Будь моей женой, – просит Месяц.

– Я невеста Солнца, – отвечает ему девушка.

– Как же ты, невеста Солнца, на ночной стороне оказалась? – спрашивает Найнас.

Рассказала ему девушка, что Аццы ее погубить задумала за то, что ей сейдушко помогал и что Солнцу она невеста. Найнасу жалко с девушкой расставаться, но делать нечего.

– Тебе, – говорит Найнас, – надо к моей матери Земле вернуться. Тогда ты своего жениха сможешь увидеть. Выйдет мне черед над Землей светить – я тебя провожу.

Спустилась девушка с Найнасом на Землю. Подошли они к широкой реке, смотрят: на другом берегу большая вежа стоит. Крикнул Найнас:

– Пригоните мою лодку!

Вышла из вежи старушка, пригнала лодку. Увидала Найнаса с девушкой, обрадовалась: «Пришла сердечная родня», – говорит. Перевезла мать сына с девушкой на другой берег, в вежу провела. А Найнасу девушка еще больше полюбилась. «Задержу, – думает он, – ее у матери в гостях, может, она жениха своего забудет!».

Снял с себя потихоньку звездный пояс – так в старину

Млечный Путь называли – и накинуд его на ряппень, через который дым от камелька вытягивает. Девушка глаза поднимет, смотрит: звезды на небе. Месяц прошел, второй, а девушка все у матери Найнаса гостит. Только дымно в веже стало – ряппень звездным поясом прикрыт. Много дыма скопилось, пояс и приподнялся над вежей.

А Солнце только этого и ждало. Оно по всему свету свою невесту искало, только в эту вежу заглянуть не могло. Увидело Солнце свою невесту, а Найнас отдать девушку не хочет. Засветили одновременно Солнце и Месяц на небе, заспорили. Только Месяц рядом с Солнцем совсем бледный стал.

Посмотрела мать-Земля на своего сына Найнаса – не победить ему Солнце. Пожалела старушка сына и говорит девушке:

– Раз Солнце и Месяц не могут спор решить, быть тебе звездой на небе.

И стала девушка утренней звездой. Найнас, утром с неба уходя, на нее любит. Солнцу черед на небе светить – тоже с той звездой встречается, налюбоваться не может. И вы, ребятки, если утром рано встанете, ту звезду увидите.

СЛОВАРИК

Агка – (саам.) бабушка.

Аццы – мифическое существо: женщина-паук или женщина-лягушка.

Бурдух – национальное саамское блюдо: суп из оленины и лесных ягод.

Вáженка – (саам.) самка оленя, олениха.

Вара́ка – (помор.) невысокая горюшка, заросшая густым лесом.

Бéжа – древнее саамское жилище, напоминающее землянку, строилось из бревен, палок и покрывалось корой и дерном, при переезде разбиралось.

Вукс – мешок из оленьих или нерпичьих шкур, с костяными застежками.

Гíрвас – (саам.) олень-самец, олень-вожак.

Го́род – ограда, забор.

Ка́ньги – саамская обувь из шкуры оленя, с острыми, загнутыми вверх носами.

Ка́рбас – большая деревянная промысловая лодка.

Кегóра – (помор.) возвышенное место с оленьим пастбищем.

Керёжа – древние саамские сани в виде лодки.

Ко́йбица – рукавица из шкуры, снятой с оленьих ног.

Ку́вакса – походный шалаш из жердей, бересты или оленьих шкур.

Мотóра – деревянная палка, на которую вешают котел при варке пищи.

На́лэть – часть оленьего рога.

Нойд – колдун, нойда – колдунья.

Обóра – обмотка для ног, вид портянки.

Олень-дикарь – дикий олень, основное промысловое животное.

О́пас – проводник.
Паду́н – (помор.) водопад, большой каменный пережат.
Пого́ст – саамское селение.
По́йда – оленье сало.
Ря́ппень – отверстие в веже для выхода дыма.
Та́ла – сказочное существо, сказочный медведь.
Тройни́к – рыболовный крючок с тремя остриями.
Ту́ндра – горный массив, плоскогорье, покрытое скудной растительностью.
Ту́па – (саам.) жилище из бревен с плоской крышей.
Са́йда – промысловая рыба семейства тресковых.
Сейд – (саам.) священный камень, божество.
Си́лья – капкан в виде петли для ловли птиц и мелких зверьков.
Су́йма – собрание, совет.
Хи́гна – веревка, привязь.
Ча́хкли – сказочные существа, маленькие человечки, живущие под землей.
Чудь – враг, разбойник.
Чудьюльквик – пешие разбойники.
Чуэ́рвькарт – груды оленьих рогов в местах жертвоприношений.
Ягель – мох, основной корм северного оленя.
Ярус – (помор.) рыболовная снасть: длинная веревка с множеством крючков.

СОДЕРЖАНИЕ

О саамах и их сказках	3
Чахкли	5
Богатый, да скупой – бедный, да щедрый	8
Как саам на небо ходил	13
Морская бабушка	16
Айновы острова	19
Собачий сын	21
Гирвас-озеро	27
Семилетний стрелок из лука	30
Охотник	33
Брат и сестра	37
Заклятая гора	41
Волшебный котел	45
Старшая Голова	48
Налэть	51
Как старуха погост от чуди спасла	53
О чудесном переезде с острова Кильдин	55
Как братья сестру из беды выручали	57
Красивая Катерина	64
Некрасивая девка-нойда	68
Сказка о двух братьях	70
Детский царь	75

Старуха и Аццы	78
Саам-богатырь	81
Дочь жителей скал	85
Золотое деревце	87
Дочь Солнца	91
Волшебные туески	96
Как лис медведя обманул	104
Лис и волк	109
Лис Римне и человек	112
Про диких оленей	118
Почему олени живут отдельно от людей	121
Найнас и саамская девушка	127
СЛОВАРИК	134

ПАЦИЯ **Евгения Яковлевна**

Литератор, этнограф, одна из создателей Музея-архива истории изучения и освоения Европейского Севера России (г. Апатиты). Активно собирала музейные фонды, принимала участие в создании первой экспозиции 1974 года. На протяжении 50 лет пополняла коллекции музея и его экспозиции, проводила авторские экскурсии. Составитель первой в стране антологии саамских сказок. Занималась литературной обработкой саамских сюжетов для детей. В 1985 году был издан сборник «Невеста Солнца», в 1989 году – книга «Семилетний стрелок из лука». Редактор учебного пособия на русском и саамском языках «Саамское рукоделие». Автор сборника «Кольское застолье» и очерка «Фольклорные традиции в культуре одной саамской семьи», включающего пословицы и поговорки на саамском языке. Соавтор альбома «Художники – участники северных экспедиций». Являлась ученым секретарем Северного филиала Географического общества СССР.

Евгения Яковлевна удостоена почетных званий – «Заслуженный работник культуры РФ» (2010 г.) и «Почетный гражданин города Апатиты» (2018 г.).

СИТДИКОВА **Ирина Витальевна**

График, иллюстратор, хорошо известный не только в Мурманской области, но и за ее пределами. Работы художницы хранятся в фондах Мурманского областного художественного музея, Художественного музея Кеми (Финляндия), в частных и общественных коллекциях в России и за рубежом. В течение двух лет персональная выставка Ирины «Гиперборея – сказочная страна Севера» с успехом демонстрировалась в разных городах Финляндии.

Для графики И. В. Ситдиковой характерны яркий индивидуальный стиль и непреходящая любовь к анималистическому жанру, ставшему своеобразной визитной карточкой ее творчества.

Ирина ведет активную творческую и общественную деятельность. Является членом Союза художников России, лауреатом премии губернатора Мурманской области 2015 года «За особый вклад в развитие культуры и искусства».

ЧЕРНОВА **Наталья Юрьевна**

Журналист и литературный редактор. Живет в городе Апатиты Мурманской области. Сотрудник отдела внешних связей ФИЦ КНЦ РАН. С 1998 года является членом Союза журналистов РФ. Лауреат первой премии конкурса журналистского мастерства «Север на уровне сердца» (2020 г.) за лучшую газетную публикацию. Соав-

тор двух сборников журналистских очерков. Осуществляла редактирование двух фотоальбомов и нескольких публицистических книжных и журнальных изданий. В 2019–2020 годах работала в качестве редактора над книгой Евгении Яковлевны Пация «Кольское застолье».

УДК 821.511.12-34
ББК 82.3(2=662)
С42

Автор-составитель *Е. Я. Пация*

Художник *И. В. Ситдикова*

Литературный редактор *Н. Ю. Чернова*

С42 **Саамские сказки Кольской Лапландии** / автор-составитель Е. Я. Пация ; художник И. В. Ситдикова; литературный редактор Н. Ю. Чернова. – Мурманск : РУСМА (ИП Глухов А. Б.), 2022 – 140 с. : ил.

ISBN 978-5-905917-15-8

Настоящий сборник включает различные сюжеты богатого сказочного наследия кольских саамов. В книге опубликованы саамские сказки в литературном переложении, адаптированные для современного читателя. В литературном варианте сохранены этнографические и культурные традиции саамов Кольского Севера. Книга рассчитана на широкий круг читателей, интересующихся Европейским Севером.

УДК 821.511.12-34
ББК 82.3(2=662)

12+

ЕВГЕНИЯ ЯКОВЛЕВНА ПАЦИЯ

Саамские сказки Кольской Лапландии

Подписано в печать 26.08.2022. Формат 70 x 100/16.
Бумага мелованная. Печать офсетная. Гарнитура Kudriashov.
Заказ № 0365В. Тираж 1200 экз.

Издательство «РУСМА» (ИП Глухов А. Б.)
ab@rusma51.ru

Отпечатано в типографии «Дитон»,
Россия, г. Санкт-Петербург,
Большой Сампсониевский проспект, 60, лит. «М»
www.diton.ru

ISBN 978-5-905917-15-8

© Е. Я. Пация, составление, 2022
© И. В. Ситдикова, иллюстрации, 2022
© Оформление. ИП Глухов А. Б., 2022

